

**АЛЕКСАНДР  
ЗЕЛЕНСКИЙ**



**СТРОИТЕЛЬСТВО  
СТРОИТЕЛЬСТВО**

— Это точно Валет! —  
сказал Тимур.

— Вижу... — ответил "первый"  
и тут же проговорил в  
микрофон: — Начинаем  
операцию!

Затем вытащил заряженную  
ракетницу и пустил прямо с  
чердака в черное небо красную  
ракету. Она еще не успела  
догореть, как все вокруг пришло  
в движение. Сразу со всех  
сторон поднялись фигуры, одетые  
в бронежилеты и каски, и молча  
побежали к одинокому дому, где  
находился вход в бывшее  
бомбоубежище. Круг сужался  
все больше...

По нервам ударили первые выстрелы.



**Схватка**

**с преисподней**

Остросюжет

Александр Зеленский  
**Схватка с преисподней**

«ВЕЧЕ»

2012

## **Зеленский А. Г.**

Схватка с преисподней / А. Г. Зеленский — «ВЕЧЕ»,  
2012 — (Остросюжет)

На какие только ухищрения не идут торговцы оружием и наркодельцы, чтобы наладить свой трафик через границы многих суверенных стран. Они привлекают для своих преступных целей самых разных людей, от бизнесменов до спортсменов, организуют целые криминальные войны. Но всегда находятся люди, что встают на их пути, помогая правоохранительным органам в разоблачении самых отъявленных негодяев. Новый роман от мастера остросюжетного жанра!

© Зеленский А. Г., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

# Содержание

1	6
2	19
3	24
4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

# Александр Зеленский

## Схватка с преисподней

© Зеленский А.Г., 2012

© ООО «Издательство «Вече», 2012

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

# 1

Тот день должен был стать последним в жизни Лепилы. Вот только сам приговоренный, как водится, об этом даже не догадывался.

Первому весеннему солнечному деньку, наступившему сразу после длиннющей зимней тяготящей хмари, Лепила радовался, как младенец, направляясь от станции метро «Парк культуры» к старинному московскому дому, где арендовал помещение под свой врачебный кабинет.

Перейдя через подземный переход, в котором продавали всякую всячину все кому не лень, Лепила, благостно щурясь на залитый солнечным светом небосклон, неторопливо шел по Остоженке, не обращая внимания на прохожих. Не заметил он и подозрительного длинноволосого типа в коротком демисезонном пальто и темных очках на глазах. Тот только что перебежал улицу в неполюженном месте и теперь неумолимо и неотвратимо, как сама судьба, сближался с Лепилой, держа свои длинные руки в карманах.

Лепила подошел к яркой витрине со всевозможными продуктами питания иностранного производства и остановился на какое-то мгновение перед ней, вспомнив, что еще не успел позавтракать. В этот самый момент и произошло то, что должно было произойти. Длинноволосый выхватил из кармана нож с выкидным лезвием и, подойдя к жертве сзади, замахнулся, чтобы посильнее воткнуть длинное узкое лезвие ему в спину, прямо под левую лопатку, но...

В последнее мгновение Лепила будто что-то почувствовал или заметил отражение длинноволосого в витрине, во всяком случае, он успел каким-то непостижимым образом уклониться в сторону. И все же от второго удара ножом, нацеленного уже в живот, Лепила увернуться бы не сумел, если бы на помощь ему не подоспел молодой мужчина среднего роста и ничем не примечательной внешности, одетый в темно-синий плащ и черную шляпу, надвинутую по самые глаза. Он ловким приемом обезоружил длинноволосого, а затем швырнул его вперед головой прямо в витрину продуктового магазина, которой только что любовался ничего не подозревавший Лепила. Звон разбитого стекла, дикий вой длинноволосого, чье лицо превратилось в кровавую маску от порезов, испуганные крики прохожих – все это заставило Лепилу на миг остолбенеть. Но его тут же привел в чувство сильный толчок в плечо, которым наградил его неизвестный избавитель в шляпе.

– Уходим! Быстрее! – крикнул он, указывая на подъезд дома рядом с магазином. – Там сквозной проход через двор в соседний переулок...

– Что? Зачем это? Не понимаю... – попытался хоть что-то сообразить Лепила, но человек в шляпе, ничего не объясняя, потянул его за рукав плаща за собой.

Проскочив сквозной подъезд и миновав двор, Лепила и его спаситель выбежали в Померанцев переулок и помчались в сторону Пречистенки.

– Там у меня машина! – крикнул человек в шляпе, повернувшись к Лепиле. Только теперь он признал в незнакомце сутенера по имени Тимур, несколько раз приводившего своих «ночных бабочек» к нему в кабинет на консультацию и лечение.

– Тимур! – вскричал Лепила. – Куда ты меня тащишь, черт бы тебя побрал?!

– Скорее! На тебя объявлена охота! – быстро произнес Тимур, не останавливаясь. – Тебе крышка, если...

Что «если», Тимур не договорил, прибавив ходу. Лепиле ничего не оставалось делать, как последовать его примеру.

Выбежав на Пречистенку, Тимур подскочил к припаркованному у тротуара новенькому автомобилю марки «Жигули» малинового цвета и, открыв ключом дверцу, пригласил Лепилу садиться на переднее сиденье.

– Но как же так! – попытался было что-то возразить потенциальный покойник по прозвищу Лепила. – Мне же на работу надо... Меня пациенты заждались!

– Садись быстрее, чудик! А то твои пациенты тебя больше никогда не увидят! – пригрозил сутенер. – Длинноволосый был не один...

От этих слов Лепила окончательно струхнул и без сил плюхнулся на сиденье. Тимур же, захлопнув дверцу, обежал свою «шестерку» спереди и, открыв другую дверцу, уселся за руль.

Затем «жигуленок», недовольно фыркнув пару раз, как застоявшаяся кобылка, сорвался с места и понесся в сторону Бульварного кольца.

Все вышеописанное произошло столь быстро и неожиданно для Артема Николаевича Тосканио, известного своим знакомым больше под прозвищем Лепила, что он даже и испугаться-то толком не успел. Настоящий всесокрушающий страх пришел позже, когда машина Тимура уносила его от опасного места все дальше и дальше...

«Меня только что могли убить! – совершенно ясно и отчетливо понял Лепила. – Меня могли просто-напросто зарезать, как нагулявшую жир свинью, а я и хрюкнуть бы не успел... Вот черт! Как же я мог так раскиснуть, расчувствоваться от этой весенней солнечной инсоляции? И вообще, я вел себя, как самый последний идиот. Даже защищаться не пытался...»

Лепила схватился за голову и застонал от обуявшей его бессильной злости на самого себя.

«Но кто? Кто это мог быть? – задался он тут же вопросом. – Кто мог пожелать моей гибели? Спасибо еще, что рядом оказался Тимур. Он же, практически, вытащил меня с того света. Если бы не он, лежать бы мне сейчас в каком-нибудь холодильнике в одном из городских моргов с распоротым брюхом... Ужасно!»

От таких мыслей Лепилу всего передернуло, зубы сами собой стали выбивать дробь, а руки вспотели и затряслись.

– Подожди! Куда ты гонишь, как угорелый?.. – кое-как справившись с собственными нервами, спросил Лепила, обращаясь к Тимуру.

– Скоро сам увидишь, когда окажемся на месте, – весьма туманно ответил Тимур.

Лепила подозрительно покосился на владельца «Жигулей», но увидел только его неподвижный профиль, словно высеченный из гранита.

«Нет, на таком лице ничего не прочитаешь, на нем не отражается ровным счетом никаких чувств, – безнадежно подумал он. – И все же интересно, как могло получиться так, что Тимур оказался рядом со мной? Как это можно объяснить? Счастливым случаем? А может быть, он очутился в нужном месте в нужное время специально? Вдруг это он сам все и подстроил?.. Но тогда... Это же черт знает что!»

Лепила зачем-то поднял воротник своего плаща и вжал голову в плечи, словно ожидал удара сзади.

«Собственно, что я знаю об этом человеке? – попытался он разобраться в сложившейся ситуации. – Почти ничего. Тимур раза два-три приходил в мой врачебный кабинет и приводил на прием своих подопечных девочек. От этих весьма фривольных и вульгарных красоток я и узнал, что Тимур обыкновенный сутенер. Ну и что из того? С дельцами подобного пошиба мне приходилось встречаться довольно часто благодаря специфике моей частной практики. Я же специализируюсь на оказании помощи именно проституткам. И пока меня это вполне устраивало. Зарботки у меня – дай бог каждому. Сейчас даже смешно вспоминать о том, сколько я получал, работая в кожно-венерологическом диспансере сразу после окончания медицинского института. Сплошное убожество! Спасибо моему однокурснику Александру Знаменскому, надомившему меня приобрести лицензию и заняться частной практикой. Теперь у меня свое дело, хорошая квартира, машина. Знаменский был у нас старостой курса, а сейчас он владеет крупным медицинским центром “Панацея”, известен целым рядом своих популярных книг по разным отраслям медицины. Честно говоря, я даже его немного побаиваюсь, поскольку он обладает какой-то сверхъестественной силой, называемой ныне экстрасен-

соришкой. Ведь это именно он, еще в нашу с ним студенческую пору, диагностировал у меня начинающийся опухолевый процесс в головном мозге. Как он это сделал, до сих пор ума не приложу. Жаль, давно мы с ним не виделись... И вот только семьей я пока еще не обзавелся. Но это подождет, это не к спеху. Женщины – вообще не самое главное в моей жизни. Насмотрелся я на так называемую “женскую любовь” досыта. Благодарю покорно! Уж лучше я всю жизнь буду сам себе готовить еду или, на худой конец, питаться в ресторанах, но жениться пока погожу. Время терпит! А что касается всех этих “котов” и их “телок”, то им на меня грех обижаться. Я пока еще никого из них не обошел своим врачебным вниманием. Вот и выходит, что ни Тимуру, ни другим его коллегам я навредить никак не мог. Значит, тут что-то другое...»

За размышлениями Лепила не заметил, как «Жигули», за рулем которых находился Тимур, свернули с бульварного кольца на Новослободскую улицу и помчались в сторону Дмитровского шоссе.

Неожиданно для самого себя доктор вспомнил об одном из последних своих медицинских расследований, которое вполне могло быть связано с сегодняшним покушением на его жизнь. Дело в том, что еще в те времена, когда Артем Николаевич трудился в кожно-венерологическом диспансере, ему частенько доводилось по роду своей работы вести служебные расследования по фактам заражений серьезными инфекциями, передаваемыми при половых контактах. Ему приходилось иногда месяцами выявлять цепочки половых связей, которые тянулись от какого-нибудь одного больного, «наградившего» своих партнеров или партнерш принятнейшим заболеванием, каковым и является сифилис. Так что он хорошо поднаторел в такого рода расследованиях. И даже, в конце концов, сумел найти себя в новой экономической ситуации именно в этой сфере деятельности. То есть Тосканио, отыскав какого-нибудь очередного заболевшего и убедившись, что у того имеется вполне солидный капитал и престижное место работы, предлагал ему за определенную сумму помочь избавиться от недуга и при этом сохранить в тайне то, что узнал о своем пациенте. Впрочем, второе он обязан был делать в любом случае, поскольку еще в мединституте давал клятву Гиппократу. Таким образом, Артем Николаевич скоро обзавелся довольно большим количеством тайных или анонимных, как их чаще называют, пациентов, сведения о которых не передавал в свое лечебное учреждение и даже стал зарабатывать на них немалые гонорары. Так что со временем он даже смог оставить свое прежнее место работы и заняться только частной практикой.

Лепиле очень хорошо запомнился тот выюжный зимний день, когда в его врачебный кабинет два здоровенных бугая затащили упирившуюся совсем еще юную девушку в шикарную норковой шубке, надетой прямо на голое тело.

– Дохтур, – произнес один из бугаев, сверкая золотыми фиксами на передних зубах, – надо бы эту кралю пошмонать. Только внимательно! Мы с корефаном сомневаемся на ее счет...

– Что случилось, детка? – заглядывая девушке в заплаканные глаза, поинтересовался Лепила, когда ее насильно усадили на кушетку.

– Они все врут, доктор! Не верьте им! Я здоровая, честное слово! – утирая слезы тыльной стороной ладони, голосила красотка.

– Ну да, здоровая она! Ври больше! – наперебой загалдели бугаи. – Видали мы таких здоровых в гробу!

– Э, хлопцы! А вас я попрошу подождать в коридоре! – строго прикрикнул на них Лепила.

– Ты, главное, не верь ей! – перед тем как выйти из кабинета, произнес фиксатый.

– Ладно, я сам разберусь.

– Тебя как звать-то? – спросил Лепила у девицы, когда они остались вдвоем.

– Вера...

– «Маленькая Вера», значит? – усмехнулся Лепила.

– Не, меня на «плешке» Клюшкой кличут, – помотала стриженной под мальчика белобрысой головой Верка.

– Хорошо. Вот и познакомились. Ну, а теперь разоблачайся.

Последняя фраза была произнесена таким обыденным и спокойным тоном, что девушка сразу скинула шубу, в которую только что зябко куталась, и завела разговор о своих недомоганиях. Причем некоторые ее откровения заставили Лепилу сразу насторожиться.

– Помогите мне, доктор! Со мной творится что-то неладное последнее время. Я даже в течение недели не работала. И все после того кобеля усатого... Правда, гонорею я подцепила еще раньше. А потом и этими маленькими «комариками», что... Ну, вы знаете! Моя подружка Любка Балдежка как-то их называла... А, вспомнила! Мандавошки! Это добро у меня, как я уже сказала, и раньше было. А вот красная сыпь по всему телу пошла после того кобеля усатого, чтоб ему ни дна ни покрышки! – Верка Ключка грязно выругалась, что, в общем-то, Лепилу несколько не шокировало, он давно привык к тому, как выражали свои мысли пациентки из его «контингента».

– Значит, говоришь, неделя прошла после того контакта? – уточнил Лепила.

– Может, две... – как-то неопределенно пожала плечами девушка.

– И с того времени ты ни с кем больше в половой контакт не вступала? – недоверчиво спросил врач.

– Не помню... Кажется, нет!

– «Кажется, кажется»... Точно надо знать! – недовольно буркнул Лепила, заподозривший, что Верка подхватила от неизвестной усатой личности самый настоящий сифилис, наградив его, в свою очередь, гонореей и лобковыми вшами.

«Хорошенькое дело! – подумалось при этом Артему Николаевичу. – Партнеры «подарочками» обменялись... Только и всего! А этого «кобеля усатого» надо искать, а то он перезаразит еще кучу народа...»

Осмотрев новую пациентку самым тщательным образом, доктор пришел к выводу, что его опасения оказались небезосновательными. У Верки действительно имелись основные клинические проявления целого «букета» венерических заболеваний. И самым махровым цветом «распустилась» в ее организме бледная спирохета, или как ее еще иногда называют специалисты, бледная трепонема, вызывающая сифилис. Впрочем, на наличие этой патогенной бактерии в мазке, взятом из влагалища пациентки, показали лабораторные исследования только на следующий день. Но Лепила обладал достаточным опытом для того, чтобы поставить предварительный диагноз сифилиса Верке Ключке еще при первичном осмотре.

Выяснив у Верки то, что она знала о Кобеле, как прозвал ее партнера про себя доктор Тосканио, он тут же направил больную на госпитализацию в стационар, а сам сразу же приступил к поискам Кобеля. Найти того оказалось делом непростым, поскольку у Лепилы имелось слишком мало информации о нем. Верка знала, что Кобеля звали Станислав Вольдемарович, что ему было лет сорок и он разъезжал на шикарном автомобиле марки «Ситроен», причем сам управлял машиной.

Наведя справки о завсегдатаях «плешки», Лепила узнал у знакомых «ночных бабочек» и их сутенеров, что Кобель раньше довольно часто «снял» там девушек, но потом куда-то исчез. Одна из девиц даже припомнила, что Станислав Вольдемарович как-то упоминал при ней о том, что работает генеральным директором фирмы, носившей название «Яхрома». Это уже было кое-что. И доктор, тут же раздобыв справочник московских адресов, установил, что подобные названия носят сразу несколько разных организаций, в том числе сельскохозяйственное производственное объединение, кожевенный завод и одно акционерное общество закрытого типа. Вот это самое АОЗТ «Яхрома» особенно заинтересовало Лепилу, поскольку сельхозобъединение оказалось «Яхромским», кожевенный же завод и вовсе носил название «Хром», а первая буква «я» и последняя «а» оказались в адресной книге обычными опечатками.

Прежде чем наведаться на фирму, Лепила решил сделать туда контрольный звонок. Набрав номер телефона, указанный в справочнике, он услышал в трубке вежливый женский голос:

– Здравствуйте, с вами говорит секретарь фирмы «Яхрома».

– Скажите, пожалуйста, Станислав Вольдемарович на месте? – спросил Лепила.

– Нет, господин Москаленко на объекте. А кто его спрашивает и что передать? – заинтересовалась секретарша.

– Не стоит беспокоиться, я лучше найду его на объекте... Не подскажете, где он может сейчас быть?

– Ну, это сказать трудно. Наша фирма строит загородные коттеджи во многих местах Московской области и даже в соседних областях. Вы можете позвонить ему по сотовому.

– Ладно, а по какому номеру?

Секретарша продиктовала номер радиотелефона начальника.

Положив трубку, Лепила радостно потер руки. Дело, кажется, шло на лад. Оставалось только позвонить этому господину Москаленко по указанному номеру и договориться о встрече.

Телефонный разговор с Москаленко состоялся на следующее утро.

– Станислав Вольдемарович? Приветствую вас! С вами говорит доктор Тосканио, – солидно представился Лепила. – Я специалист по некоторым интимным болезням...

– Что такое? – как-то сразу заволновался Москаленко. – Я вас не совсем понимаю...

– Не волнуйтесь, Станислав Вольдемарович! – постарался подготовить Москаленко Лепила к восприятию своей информации. – У меня имеются вполне достоверные сведения, что вы страдаете одной очень опасной болезнью, и больше того – являетесь ее переносчиком...

– Для меня это новость... – прокашлявшись, ответил Москаленко. – Впрочем, это не телефонный разговор. С вами можно встретиться в обстановке, так сказать, тет-а-тет?

– Безусловно. И чем быстрее произойдет наша встреча, тем лучше для вас. Сегодня я занят. Впрочем... Знаете что? Подъезжайте-ка в мой кабинет прямо сегодня. Сможете?

– А как вас найти?

– Записывайте адрес: улица Остоженка, дом номер семнадцать. Вход со двора. Второй подъезд, третий этаж. Там увидите табличку с надписью: «Доктор Тосканио». Вот, собственно, и все. Во сколько сможете подъехать? – быстро проговорил Лепила.

– Думаю, часов в двенадцать. Вас это устроит? – переспросил Москаленко.

– Вполне. Подъезжайте. До встречи!

Станислав Вольдемарович оказался как раз таким, каким и представлял его себе Лепила. Ему было немного за сорок. Черные курчавые волосы по-особенному оттеняли нездоровую бледность его немного вытянутого лица с ямочкой на подбородке. Одет он был в дорогую дубленку, а в руках мял шапку из какого-то дорогостоящего серебристого меха. Таким и увидел Москаленко впервые доктор Тосканио, когда тот, постучавшись, вошел в его кабинет.

– Я должен вам сообщить, что действительно болен... – прямо с порога признался Москаленко. – Но мне хотелось бы заручиться вашим честным словом, что сведения о моем недуге дальше вас никуда не пойдут. Я, видите ли, человек порядочный, семейный. К тому же у меня фирма! А если о моей болезни станет известно на работе и дома, то лучше сразу головой в омут!

– Ну, зачем же так сразу? – недовольно покачал головой доктор. – За неразглашение врачебной тайны я могу ручаться, если, конечно, вы сами не будете себе вредить. А что касается вашей семьи... – Лепила выдержал небольшую паузу. – Тут дела обстоят следующим образом. Ваша супруга должна будет пройти обязательное медицинское обследование. Вы ведь и ее заразили.

– Нет, это полностью исключено! – вскричал Москаленко, нервно проходя в глубь врачебного кабинета и усаживаясь без приглашения на свободный стул, стоявший рядом со столом доктора Тосканио. – Моя жена... Она безгрешный человек! Вы понимаете, о чем я? Она святая! И вообще она только вчера вернулась из круиза по Средиземному морю. Ее не было около месяца.

– И вы?.. – с намеком на продолжение спросил Лепила.

– Что «и я»? – не понял Москаленко.

– И вы отметили ее возвращение ночью в постели... – цинично закончил свою мысль доктор.

– Нет, нет! Что вы такое говорите?! – испуганно замахал руками пациент. – Я же не дурак... Эту ночь мы провели в разных комнатах. Да иначе и быть не могло. Моя жена – ангел! Я редко могу позволить себе... Ну, вы меня понимаете.

– Сколько раз в неделю? – привычно уточнил Лепила.

– В неделю? Нет, что вы! Раз-два в месяц... И то по большим праздникам.

– Понимаю, – сочувственно произнес Лепила, которому действительно стало понятно, почему этот холеный генеральный директор большой строительной фирмы искал для себя утехи на стороне. По-видимому, супруга не баловала мужа частой близостью. – А дети у вас есть?

– Нет. Мы с женой решили пожить для себя... Мы ведь в браке около двадцати лет. А сейчас уже поздно заводить ребенка...

– Да уж! В вашем нынешнем положении это было бы более чем рискованно, – заметил доктор.

– Скажите, а я смогу вылечиться и иметь детей в дальнейшем? – с дрожью в голосе спросил пациент.

– Конечно. Медицина сильна, как никогда, в этом вопросе, – постарался успокоить взволнованного пациента доктор Тосканио.

– И можно, наверное, обойтись амбулаторным лечением? – с надеждой заглядывая в глаза врачу, спросил Москаленко.

– Увы и ах! Амбулаторно я смог бы вас вылечить от гонореи, а вот от сифилиса...

– Так у меня?! О, черт! – хватаясь за голову, вскричал Москаленко. – Теперь мне все понятно! Чтобы я еще когда-нибудь в жизни стал связываться с этими потаскушками? Никогда! Как перед Богом...

– Не надо клясться. В мире нет людей совсем безгрешных, – остановил своего пациента Лепила. – Мы вас подлечим. Для этого я направлю вас в хороший стационар, которым заведует мой близкий друг. Там очень хорошие бытовые условия. Правда, лечение довольно дорогое...

– Это неважно! – сразу же заявил Москаленко. – Деньги для меня большой роли не играют. Главное – здоровье! Но вы знаете, я недавно прочитал рекламное объявление в одной газете, что сифилис сейчас излечивается амбулаторно при помощи какого-то американского средства... Всего три укола – и болезненные проявления как рукой снимает. Нельзя ли это средство прописать и мне?

– Лучше не надо, – предостерег его доктор. – Это непроверенное средство и лечат им одни шарлатаны и мошенники. Лучше соглашайтесь на мои предложения.

– Я согласен...

– Но вы и мне должны будете заплатить сумму в размере... – Лепила снова выдержал паузу. – ...Тысячи долларов!

– Тысячи?.. – поджав губы, переспросил Москаленко.

– Это моя минимальная ставка, – развел руками Лепила. – Вы же должны понимать, что моя работа требует больших издержек, расходов... Да и потом, вы же сами хотите, чтобы сведения о ваших неприятностях остались только между нами. Я правильно понимаю?

– Да, да! Безусловно! Когда можно будет внести деньги? – вымученно улыбаясь, спросил Москаленко.

– Когда вам будет удобно. А сейчас я подготовлю для вас направление, созвонюсь с клиникой, чтобы вас там ожидали. Стационар, между прочим, находится в ближнем Подмоскowie, в очень живописном месте, на базе бывшего санатория-профилактория, принадлежавшего крупнейшему оборонному заводу. Вы получите направление туда сразу, как только внесете предоплату...

– Я понял! – встав со стула, пошел к выходу Москаленко. – Деньги я привезу сегодня к вечеру...

– Если можно, постарайтесь успеть до восемнадцати ноль-ноль, – любезно раскланялся со своим новым пациентом Лепила.

То, что Москаленко прибудет вовремя и привезет с собой деньги, Лепила даже и не сомневался. И потому страшно удивился тому, что его новый пациент в тот день так и не приехал. Прождав его весь вечер и не дождавшись даже звонка, Лепила подумал, что с Москаленко произошло что-то непредвиденное.

На следующее утро врач сам позвонил Станиславу Вольдемаровичу по сотовому, но абонент не отвечал. В офисе фирмы «Яхрома», куда Лепила смог дозвониться только после обеда, ему сообщили, что Москаленко срочно отбыл в зарубежную командировку.

«Все это чистой воды вранье, – подумалось тогда доктору. – Как это его выпустили за рубеж без соответствующего медицинского освидетельствования, будь он хоть дважды генеральным директором фирмы? А при той симптоматике, что у него развилась, любой, даже самый неопытный, терапевт заподозрит неладное и направит Москаленко напрямиком на осмотр к венерологу, а тот обязательно поместит его в стационар на принудительное лечение. Формально сделать это обязан любой врач-венеролог. Значит, сделает. И этого вряд ли не сознает Москаленко. Что-то он задумал другое. Но вот что? Может, просто нашел другого врача, которого хорошо знает? Может быть... Но почему же тогда он не обратился к нему сразу, как только появились первые симптомы сифилиса? Странно все это! А может, он все же решил испытать на своей шкуре новое американское средство, о котором говорил? Тогда я ему не завидую...»

В общем, вопросов тогда у Лепилы возникло много и он не смог найти на них ответы. И вот теперь, после покушения на его жизнь, ему подумалось, а не подослал ли к нему убийцу именно Москаленко? Такого варианта врач не исключал. Вот только он не понимал, зачем Кобелю могло это понадобиться?

Ему гораздо дешевле обошлось бы расплатиться за лечение с ним самим и раз и навсегда забыть обо всех неприятностях. Но, возможно, Кобель-Москаленко считал иначе...

«Не понимаю, зачем Кобелю-Москаленко было меня заказывать и подсылать убийцу, – в который раз говорил себе Лепила. – Насколько я знаю, нанять убийцу стоит больших денег. Дешевле бы ему обошлось заплатить мне за лечение. Все-таки Кобель, наверное, нашел другого врача. И все! Обо мне он скорее всего уже и думать забыл. А я тут голову ломаю: он или не он? Но ведь не только на этом Кобеле свет клином сошелся? Заказать меня мог с таким же успехом и кто-то другой».

Отвлечшись от своих невеселых мыслей, Лепила посмотрел сквозь ветровое стекло автомобиля, все еще продолжавшего увозить его куда-то по Дмитровскому шоссе. Слева он увидел озеро, а за ним городские пятиэтажки. Тимур, перехвативший его вопросительный взгляд, тут же ответил:

– Это Долгопрудный. Скоро будем на месте.

«А чего это я так раскис? – снова упрекнул себя Лепила, стараясь придать своему лицу беспечное выражение. – Надо показать этому Тимуру, что я не очень-то и переживаю по поводу случившегося. Пусть думает, что мне все до фени».

– Свежий анекдот хочешь? – бодрясь, спросил он у своего спасителя.

– Валяй... – согласился Тимур, въезжая на горбатый мост, перекинутый через Клязьменское водохранилище.

– Молодая женщина, находясь на приеме у врача-венеролога, признается: «Доктор, какой кошмар! Я изменила мужу один-единственный раз – и такие ужасающие последствия!» На что врач отвечает: «Этого оказалось вполне достаточно, чтобы вы подцепили сифилис». «Но как же так? – удивленно разводит руками женщина. – Тот мальчик показался мне таким красавчиком, таким чистым и неиспорченным... Настоящий плейбой!» «Вот-вот, – наставительно заметил врач. – То же самое об этом плейбое мне рассказывало еще, по крайней мере, двенадцать рассерженных женщин, которых он заразил и которые, в свою очередь, перезаразили полгорода». «Но как же так?! – глотая слезы, восклицает молодая женщина. – Я только один раз изменила мужу!..» «В том-то и дело, что вы изменили один раз, но сразу с доброй половиной городского населения...»

Лепила, рассказав анекдот, натужно, как-то искусственно захохотал, ожидая ответного взрыва смеха со стороны Тимура, но тот только слегка улыбнулся, сказав:

– Не понятно только, как это она смогла за один раз переспать сразу с половиной мужского населения этого города? В литературе такой прием называется, кажется, гиперболой...

«А у парня к тому же начисто отсутствует чувство юмора, – подумал про себя Лепила. – Впрочем, это уже его проблемы».

– Скажи, пожалуйста, – после некоторого молчания снова заговорил Тимур, – а что это вообще за чертовщина такая – сифилис?

– Лучше всего об этом заболевании написал еще в шестнадцатом веке Джироламо Фракастро – врач, философ и поэт. Главного героя его поэмы звали Сифилиус, и он был пастухом. За чрезмерную похотливость и бесконечные любовные похождения бог Аполлон наказал его разрушительной болезнью половых органов. С тех пор именем пастуха Сифилиуса стали называть и саму болезнь – сифилис, – пояснил Лепила. – У тебя закурить не найдется?

– Не курю, – ответил Тимур.

– Очень жаль! – веско заметил Лепила. – Я, вообще-то, тоже не курю, но сейчас бы с удовольствием испортил сигаретку...

За окном продолжали мелькать однотипные постройки дачных поселков, и Лепила, заглядевшись на них, снова пригорюнился. Неожиданно для самого себя он затосковал о прошлом. Хоть и в бедности жил, но спокойно. Никто на него не покушался. Наоборот, простые люди уважали его, обращались со всеми своими болячками. А он помогал им совершенно бескорыстно. Можно сказать, из одного альтруизма. Как там говорится в той таджикской пословице? «В бедняцкой лачуге и молоко не скисает». Все правильно. Когда ему скисать? Не успевает. Голодный человек никогда продуктам пропасть не позволит. А у него сейчас дом – полная чаша, денег куры не клюют. Есть все, не только кислое молоко, а даже бренди с шампанским. Вот только нет того безоблачного счастья, которое было, определено было у него в прежние времена.

– Подъезжаем к Лобне, – произнес Тимур. – Поживешь пока у одного моего хорошего знакомого до тех пор, пока тебя перестанут искать твои недруги...

А еще минут через пять «Жигули» остановились у пятиэтажки на городской окраине. Тимур, сопровождаемый Лепилой, вышел из машины, поднялся на пятый этаж и позвонил в одну из квартир на лестничной площадке. На его звонок дверь открыл седой тучный человек с голым торсом, вдоль и поперек разрисованным татуировками. Лепила с нескрываемым испугом уставился на хозяина квартиры, подумав, что Тимур все-таки подставил его, привезя прямо к черту в зубы. Это же самый настоящий пахан!..

– Знакомьтесь, – совершенно спокойно проговорил Тимур, представляя двух мужчин друг другу. – Это доктор Тосканио. А это хороший человек дядя Петя...

Лепила опасливо ответил на крепкое мужское рукопожатие хозяина квартиры. В этот момент ему почему-то захотелось оказаться далеко-далеко от этого места, но отступить было некуда...

\* \* \*

Сорокалетний Рафик Гатауллин не любил своего собственного имени. Причины этого крылись в его далеком детстве, когда во дворе и в школе все кому не лень дразнили Рафика обидным, как ему тогда казалось, прозвищем График. Хотя чего же в этом слове могло быть обидного? И все же уже тогда Гатауллин предпочитал, чтобы все окружающие называли его Рафаэль. Это было красивое и благозвучное заморское имя, от которого веяло чем-то загадочным и романтичным.

Вот уже несколько лет Рафаэль работал начальником цеха на заводе железобетонных изделий, находившемся в подмосковном Лыткарино. Этот цех, выпускавший различные строительные материалы, был возведен в некотором отдалении от основного заводского комплекса, на самой окраине небольшого городка, расположившегося на юге от Московской кольцевой автомобильной дороги. Оттуда до спального микрорайона Выхино в Москве было всего каких-нибудь полчаса езды на автомобиле, а именно там Рафаэль приобрел для себя и своей семьи новую пятикомнатную квартиру со всеми мыслимыми и немыслимыми удобствами. Среди «немыслимых» удобств Рафаэль называл ванную комнату, в которой при желании очень легко можно было развернуть маленький бассейн, кухню со всевозможными СВ-печками и бытовыми комбайнами, а также отдельную комнату для спортивных тренажеров. Кстати, последнее помещение из вышеперечисленных хозяин любил больше других, проводя в нем по многу часов в свои выходные дни за занятиями на тренажерах.

Вот и в этот поздний вечер Рафаэль, расслабленно откинувшись на заднем сиденье служебной «Волги», мчавшейся в сторону Москвы, с удовольствием размышлял о том, как придет домой, переоденется в спортивную форму, погоняет перед сном на велотренажере, покрутится в свое удовольствие на кольцах, а потом – самое приятное! – займется вибромассажем.

Когда белая «Волга» подъезжала к высотному дому, где жил Рафаэль, молодой водитель по имени Коля с залихватским чубом, выбивавшимся из-под кепки, взволнованно спросил у начальника:

– Рафаэль Гиганович, это не от вашего ли подъезда только что «скорая» отъехала? Вон помчалась к Рязанскому проспекту...

– Да вроде нет, – беспечно пожал плечами начальник. – Мои чада и домочадцы должны быть бодры и здоровы, как и их родной отец. Впрочем, может быть, опять что-то с тещей приключилось... – Рафаэль несколько напрягся, переменив позу. – Ты же в курсе, что она после инсульта потеряла дар речи...

– Да, вы говорили, – кивнул Коля. – И знаете, я где-то даже вам завидую. Моя тещинка так остра на язык, что лучше сразу застрелиться. Хорошо еще, что я свою жену Ирку сумел уговорить жить отдельно от ее родичей. А то бы полный аут!..

Выйдя из машины, Рафаэль, прежде чем двинуться к подъезду, наклонился к приоткрытому ветровому стеклу дверцы водителя, проговорив:

– Ты вот что, Коля! Завтра заезжай за мной немного позже. Скажем, часам к десяти. Понял меня?

– Договорились, – ответил водитель, трогаясь с места.

Достав из почтового ящика вечернюю газету и какие-то рекламные проспекты, Рафаэль, который все еще не думал о плохом, зашел в кабину лифта и нажал на кнопку девятого этажа. Сердце у него тревожно забило только в тот момент, когда он увидел, что железная дверь его квартиры почему-то распахнута настежь.

Быстро вбежав в прихожую, он услышал женские рыдания и стоны, раздававшиеся с кухни.

– Что?.. Что такое?! – вскричал он, появляясь на пороге кухни.

Его русская теща Надежда Афанасьевна – полная седовласая женщина лет шестидесяти – сидела за столом и из ее глаз ручьями лились горькие слезы.

– Что случилось, мама?.. – тревожно спросил Рафаэль.

– У! У-у... Угу! – попыталась что-то изобразить руками в воздухе заплаканная теща.

– Ничего не понимаю! – в сердцах треснул кулаком по столу хозяин квартиры. – Где Машка? Где, в конце концов, Кариночка?

Теща тяжело поднялась со стула и пошла в ванную комнату, всем своим видом приглашая Рафаэля за собой.

– Что еще?.. – спросил он и тут же замолк, увидев на полу ванной комнаты небольшую горку из личных вещей, в которых сразу признал цветастое платье и нижнее белье своей двенадцатилетней дочери Карины. – Ничего не пойму... Что это еще за дела?

– У-у! Угу! – настойчиво тыкала пальцем в грудку тряпок теща.

Рафаэль нагнулся и двумя пальцами осторожно поднял белые девичьи трусики, сразу заметив на них бурые пятна высохшей крови. И тут же, словно удар по голове, пришло понимание происшедшего.

– Значит, «скорая» приезжала все-таки в нашу квартиру... – пробормотал он, зачем-то комкая девичьи трусики в руках и запихивая их в карман кожаного пальто, которое он позабыл снять.

Надежда Афанасьевна подергала зятя за рукав, снова приглашая за собой. Рафаэль пошел за ней, мотая головой, как бык на привязи. Теща провела его в комнату Карины и показала на исписанный лист бумаги, лежавший на кровати дочери рядом с ее любимой большой куклой в подвенечном наряде.

Рафаэль жадно схватил листок бумаги и принялся с трудом разбирать малограмотные каракули жены Марии Ивановны, которую он привык больше называть попросту Машкой.

«С нашей Кариночкой несчастье, – писала жена. – Ее возле школы поймали четыре подлеца и снасильничали... Повезла ее в больницу. Фельдшерица со «скорой» сказала, что надо сообщить об этом в милицию. Они должны забрать вещи Карины. Позвони в милицию...»

Несколько раз перечитав записку, Рафаэль горестно опустил на постель дочери и, ласково поглаживая ее куклу, так, будто это была сама Карина, глубоко задумался.

«Сообщить в милицию... Ну, уж нет! – скрипя зубами, яростно шептал он. – Тогда эти подонки слишком легко отделаются. Я уготовлю им кару страшнее, чем любая зона. Они у меня собственное дерьмо жрать станут! В крови умоются! А потом? Потом будет видно...»

Встав с постели, так и не снявший пальто Рафаэль, взял цветную фотокарточку размером 13 на 18, на которой была запечатлена в полный рост его дочурка – веселое черноглазое и длинноногое создание, выглядевшая гораздо старше своих двенадцати лет, и, держа ее в руке, подошел к телефонному аппарату. Быстро набрав чей-то хорошо знакомый номер, он проговорил в трубку:

– Это я, Рафаэль! Узнал? У меня большое несчастье. Помочь можешь только ты. Надо срочно встретиться и поговорить. Нет, по телефону нельзя. Сможешь подъехать к станции метро «Выхино»? Хорошо. Я буду ждать тебя через полчаса в сквере, напротив выхода из метро. Да, это если идти в сторону Института управления. Договорились? До встречи!

Никто из сослуживцев Гатауллина даже не догадывался о том, какое несчастье стряслось в семье их руководителя, а сам Рафаэль делиться своим горем ни с кем не собирался. Весь следующий день после того, как Рафаэль узнал об изнасиловании дочери, он провел на своем обычном рабочем месте – в кабинете начальника цеха. И только самый внимательный наблюдатель из его рабочих, кто слишком хорошо знал начальника цеха, мог бы заметить некоторую

нервозность, выразившуюся в постоянной беготне Гатауллина по разным производственным помещениям.

Чтобы хоть как-то отвлечься от горьких мыслей о судьбе дочери, которые периодически накатывали на него, будто снежные лавины, Рафаэль старался целиком и полностью окунуться в повседневные дела. Но в какой-то момент он снова вспоминал то, о чем не хотел сейчас думать и тогда в остывших глазах зажигался огонь неутолимой злости, просыпалось нетерпеливое ожидание того момента, когда он самолично сможет посчитаться с обидчиками своей единственной и горячо любимой дочери.

Телефонный звонок, которого он ожидал весь этот день с превеликим нетерпением, раздался после окончания рабочей смены. Большие напольные часы, находившиеся в его кабинете, как раз пробили двадцать ноль-ноль.

– Это я, – сказал хорошо знакомый голос в телефонной трубке, когда Рафаэль поднес ее к уху. – Ты хочешь взглянуть на этих ублюдков, прежде чем мы сделаем из них отбивные котлеты?

– Очень хочу! – вырвалось у Рафаэля.

– Тогда жди. Мы подъедем через часик...

Этот час показался Рафаэлю самым длинным. Он метался по кабинету, как тигр в клетке. Но вот наконец по внутреннему телефону охранник известил начальника о том, что к проходной подъехали две легковых иномарки и одна грузовая «газель» с крытым кузовом.

– Пропусти их на территорию без досмотра! – с каким-то даже облегчением крикнул Гатауллин в трубку перед тем, как дать отбой и со всех ног броситься встречать гостей.

В небольшом заводском дворике Рафаэль подбежал к моложавому мужчине, одетому с иголки, вяло вылезавшему из черного «семьсот двадцать пятого» БМВ с тонированными стеклами.

– Рад тебя снова видеть! – сказал он, подобострастно склоняя голову и пожимая протянутую руку сразу обеими ладонями.

– Да ладно, корефан, не виляй хвостом, как беспородная шавка, – небрежно растягивая слова, проговорил вновь прибывший. – Мы с тобой повязаны, как иголка с ниткой. А потому нечего передо мной отплясывать благодарственный танец. Сегодня я тебе помог, а завтра наступит твоя очередь ответить мне тем же. Валет, чтоб ты знал, своих корешей никогда не забывает!

– Где?.. Где эти падлы? – нетерпеливо спросил Рафаэль, заглядывая Валету в глаза снизу вверх.

– В кузове. Эй, братки, вытащите клиентов из-под тента! Мы с другом хотим на них поглядеть... – распорядился Валет, указав пальцем на «газель» шестерым здоровякам, вылезшим из иномарок вслед за хозяином.

– погоди, Валет! – вскричал Рафаэль, у которого от нетерпения поскорее посчитаться с насильниками дочери даже колени дрожали. – Во дворе уже стемнело. Скажи своим ребятам, чтобы они тащили этих ублюдков прямо в цех. А я пойду приготовлю побольше света.

– Сделаем, – небрежно махнул рукой Валет. – Только они, по-моему, уже и так полумертвые от страха за свою шкуру.

Когда четверку молодых ребят со связанными руками и залепленными лейкопластырем ртами приволокли в цех, Рафаэль зажег мощный прожектор, направив световой поток прямо в лица насильников, отчего все четверо закрутились на месте, как на раскаленной сковородке, стараясь стать к свету спиной или хотя бы боком. Но Валет и его дружки сделать им этого не дали.

– Что, козлы вонючие, не сладко стало? – с угрозой в голосе спросил Валет, расхаживая перед четверкой молодчиков, жавшихся от страха друг к другу. – Небось, когда девчонку трахали в четыре смычка, приятней было? Прия-ятней... Только за все, козлики, платить надо!

Это я вам вполне категорично заявляю. Ну-ка, Тюлень, дай высказаться вон тому, с правого края! Правофланговым завсегда первое слово!

Один из дружков Валета небрежно схватил здоровенной пятерней указанного парня сзади за длинные белокурые волосы, откинул его голову назад, а другой рукой содрал с губ лейкопластырь.

– Колись, падла! Если все расскажешь, то, может быть, папа тебя простит... – сказал Валет, приблизившись к белобрысому.

– Это все Ларик! Он учится в одной школе с той девчонкой, только в старшем классе... – заспешил смягчить гнев неизвестного «папы» белобрысый. – Честное слово! Девочка ему нагрубил, а он нас попросил ее проучить. Да что тут особенного! Мы так часто делаем... Она сама хотела... Честное слово! Они все об этом мечтают!

– Ах, ты!.. – не выдержал Рафаэль, выскакивая в круг света. – Заполучи! – высоко подпрыгнув и развернувшись в воздухе, он ударил правым каблуком белобрысого прямо в лицо. От этого удара у того вылетело сразу два передних зуба, а сам он, не устояв на ногах, отлетел на несколько метров в сторону.

– Классный удар! – похвалил Валет. – Ты для своих лет, дружище, в хорошей спортивной форме.

Рафаэль, не отвечая на похвалу, подошел вплотную к самому юному недомерку, на которого указал белобрысый.

– Значит, тебе понравилась моя дочь? – спросил он, отодрав с губ лейкопластырь и у него. – А ты знаешь, что ей еще и тринадцати нет? Она же совсем ребенок...

– Я готов жениться! – испуганно вскричал недомерок, бегая глазами по сторонам. – У нас будут детки!..

– Дурак, – сплюнул Рафаэль ему под ноги. – Ишь размечтался... – с этими словами он ударил тому в низ живота, упиваясь его истошным визгом.

– Красиво! – снова похвалил Рафаэля Валет. – Прямо концерт по заявкам радиослушателей, да и только!

Он хотел сказать что-то еще, но, взглянув на как-то сразу посеревшее и осунувшееся лицо Рафаэля, замолчал.

– Все! – произнес Рафаэль с придыханием. – Больше не могу... Этим сами кончайте.

Повернувшись спиной к насильникам, он, повесив голову, медленно поплелся в свой кабинет. За спиной он услышал голос Валета:

– Братва, можете развлечься с этими ублюдками. А мне надо с другом покалякать-перетереть...

Рафаэль вошел к себе в кабинет, открыл шкафчик бара и вытащил оттуда литровую бутылку с самой красочной этикеткой. Откупорив ее, он сделал три больших глотка прямо из горлышка. Хотел выпить еще, но поперхнулся и закашлялся.

– Один пьешь? – усмехнулся Валет, появляясь в кабинете вслед за его хозяином.

Прокашлявшись, Рафаэль указал пальцем на открытый бар, сказав:

– Выбирай сам, что будешь пить. А мне надо срочно позвонить...

Набрав номер домашнего телефона и дождавшись, когда ему ответит жена, Рафаэль сказал в трубку:

– Машка, я сегодня задержусь на всю ночь. Да, ночная смена... Как Кариночка? В больнице? Ты сказала там, чтобы ее поместили в лучшую палату? Правильно... Что? Предложение?.. Кто это предлагает? Главврач? Мы подумаем над его предложением. Ну, все! Завтра поговорим. Спи спокойно!

Повернувшись к Валету, Рафаэль увидел, что тот наливает себе в стакан из бутылки «Столичной».

– А лучшего ничего не нашел? – поинтересовался он.

– Предпочитаю отечественные товары, – приподняв левую бровь и поглядев на Рафаэля через полный стакан, ответил Валет. – Будем здоровы!

Сказав это, он медленно, будто смакуя марочный коньяк, выцедил всю водку из стакана. Рафаэля даже передернуло от отвращения.

– Кайф! – сказал Валет. – А теперь вдогонку неплохо бы томатного сока... на закуску!

– В баре, на нижней полке, должна быть пара пакетов, – покачав головой, произнес Рафаэль. – Я твои вкусы уже знаю...

Через пять минут, выхлебав весь пакет томатного сока, Валет засобирався восвояси.

– Хорошо тут у тебя, а только дел у меня сегодня еще много, – проговорил он, выходя из кабинета в сопровождении Рафаэля и направляясь во двор, где его терпеливо поджидали подельники. – Будем считать, что я твою просьбу исполнил. Теперь дело за тобой. «Мусор» приберешь. А я тебе очень скоро еще такого «мусора» подкину. Большие дела начинаются, дружище! Если все пройдет, как надо, Валет большим человеком станет. Очень большим! Держись Валета, Рафаэль, не прогадаешь!

– Спасибо тебе! – крепко пожал Рафаэль руку Валета на прощание. – Вези свой «мусор», за мной дело не станет. Я для тебя теперь все сделаю, что смогу.

– И даже несколько больше, – усмехнувшись, проговорил Валет. – Ну, все. Покедова, дружище!

Валет хлопнул дверцей БМВ и укатил вместе со своими друзьями. Рафаэль же, вернувшись в кабинет, связался по внутреннему телефону с охранником, распорядившись:

– Федорыч, вызывай уборщиков «мусора» на ночную смену. Да, сегодня у них будет горячая работенка!

## 2

То был странный день для Виктора Воробьева. ОН ПЕРЕСТАЛ ВИДЕТЬ ЛЮДЕЙ... На улицах города передвигались одни монстры, люди без лиц!.. Он не знал, что думать, что делать. Голова раскалывалась от пустоты. Да, именно так. Казалось, что ее наполнили водородом под самую завязку, как воздушный шарик, и она сию минуту лопнет, взорвется, разлетевшись лоскутками на четыре стороны света. Он не мог сосредоточиться ни на одной дельной мысли. Точнее, нет! Одна мысль все же гвоздем засела у него в голове и постоянно прокручивалась, как заигранная пластинка: «Я схожу с ума!..»

Он сам не знал, как очутился на станции Водники.

Выйдя из вагона электрички, Воробьев прошел несколько десятков метров по путям до железнодорожного моста, а потом... Рыбаки, удивившие мелкую рыбешку с парашюта набережной, с содроганием увидели, как неизвестный перелез через перила ограждения на мосту и прыгнул с большой высоты вниз...

О самоубийстве Виктора Воробьева я узнал во время приема пациентов в медицинском центре «Панацея», которым руковожу уже несколько лет. Эту печальную весть сообщила по телефону моя бывшая жена Татьяна, у которой давно уже была новая семья, но с которой мы по-прежнему поддерживали дружеские отношения. Дело в том, что Виктор Воробьев был ее родным братом и потому я его хорошо знал.

Здоровенный детина, прошедший огонь и воды, по крайней мере, двух региональных войн, когда служил срочную в пограничных войсках, а теперь старший лейтенант милиции, мастер спорта международного класса по римско-греческой борьбе Воробьев никак не походил на тех хлюпиков-интеллигентов, которые при первых житейских неудачах норовят вскрыть себе вены.

– Татьяна, а ты уверена, что это самоубийство? – уточнил я. – Может быть, имеются какие-то следы, которые могли оставить на месте преступления убийцы?

– Какие там убийцы, Знаменский! – Бывшая супруга всегда называла меня только по фамилии. – Не было и в помине никаких убийц. Все бы тебе в детские расследования играть. – Из-за этих самых расследований, кстати говоря, Таня и оставила меня в свое время. – Витю видели десятки людей. Он зачем-то поехал на электричке по Савеловской дороге, а потом... потом...

Она больше не могла говорить, видимо, спазмы душили горло.

– Он сошел на станции... – подсказал я.

– Водники. А потом бросился с моста в речку... Извини, но я больше не могу об этом! Это такой удар для меня и моей мамы... После гибели отца в шахте мы еще никогда такого не испытывали... Извини, я вешаю трубку!

Отложив все дела, я помчался к матери Виктора, которая переехала в Москву из небольшого городка Новомосковска Тульской губернии и теперь жила в семье дочери возле метро «Октябрьское поле». Но до дома бывшей тещи я так и не доехал, свернул с полпути. Сделав пересадку на другую линию метро, я направился в сторону станции «Савеловская».

Водники встретили меня морозящим дождем и порывистым ветром.

«Топиться в такую погоду... – подумал я. – Нет уж, дудки! Не дождетесь... Хотя это самая невыносимая погода для таких ищек-любителей, как я! И все же мы еще покувыркаемся, побегаем и попрыгаем!..»

Я поднял воротник своего плаща и спрятался под навес пристанционной торговой палатки. Там я простоял минут десять в ожидании, что дождь вот-вот кончится.

Пока я так стоял, мне припомнилось то, что я знал о жизни Виктора еще до его приезда в Москву. Он любил свой провинциальный шахтерский городок, в котором начал заниматься

спортом. Он часто и взахлеб рассказывал мне, как однажды на тренировку к ним в спортшколу пришел сам прославленный полутяж Александр Медведь – трехкратный олимпийский чемпион по вольной борьбе. Он-то и «благословил» его на серьезные занятия спортом, порекомендовал хорошим тренерам из большого спорта. А еще Виктор часто вспоминал, как его отец – метр с кепкой – спокойно поднимал мешок угля одной рукой после трудового дня и тащил его домой. «Здоровый был мужик, хотя по виду и не скажешь», – по-доброму улыбаясь, часто говаривал он.

Наконец дождь перестал сеяться и я решил, что с меня не убудет, если я добежу до моста и вернусь обратно до нового «приступа» непогоды.

Конструкции длинного железнодорожного моста, на который я взошел, гудели и постанывали от ударов ветра. Мимо промчался товарняк, обдав меня с ног до головы водяной пылью, но я на это даже не обратил внимания.

«Вот здесь это и произошло», – подумал я. Откуда мне стало известно, что именно с этого самого места Воробьев бросился в свинцово-мутные воды Клязьменского водохранилища, перешагнув даже не просто мостовое ограждение, а черту, отделявшую жизнь от смерти? Не знаю, но я всегда достаточно точно узнаю места, где недавно произошли несчастья. Бывает, идешь-идешь по дороге в толпе других людей, спешаешь по делам и вдруг – раз! – и остановишься, как вкопанный. Тебя толкают, клянут на чем свет стоит, а ты стоишь столбом и видишь, что в этом самом месте несколько часов назад человека ударили ножом в сердце...

Все это началось у меня еще в студенческие годы, когда мы с друзьями часто отправлялись с рюкзаками бродить по Подмоскovie, проводя бессонные ночи у костра с песнями под гитару. Именно во время одного такого похода мне и «посчастливилось» очень близко познакомиться с шаровой молнией... Позже, когда я немного очухался, друзья сказали мне, что уже и не чаяли моего возвращения в этот суетный мир, поскольку на лицо были все признаки клинической смерти: отсутствие дыхания, остановка сердца и все такое прочее. Говорят, первое, что я сделал, когда открыл глаза, то указал пальцем на одного из сокурсников по медицинскому институту по прозвищу Лепила и провещал: «Тебе срочно надо показаться врачу-специалисту по поводу начинающегося опухолевого процесса в головном мозге». При этом Лепила так перепугался, что тут же собрал свои вещички и уехал в город. Позднее выяснилось, что я не ошибся с диагнозом, чем, возможно, спас жизнь приятелю...

Я оперся о перила и свесился вниз, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть сквозь туманную дымку. Но с такой высоты увидел только гладь воды, будто внизу не гуляла крупная рябь, порожденная северным ветром. Еще я увидел трех рыбаков на берегу, спрятавшихся под мостом от непогоды. Но потом я перестал все это видеть, осознавать. Во мне толчком проросло видение из подсознания, как еще живое человеческое тело, падает вниз. И еще, мельком, уголком своего глаза я заметил чьи-то мертвенно-холодные глаза, безучастно взиравшие на нарочито замедленный полет человека к воде. И когда воды, потревоженные телом, накрыли Виктора с головой, я опять заметил этот взгляд, но на этот раз глаза сияли от радости...

Вот только теперь я понял, что не зря совершил эту поездку. Виктор не сам покончил счеты с жизнью. Его вынудили, заставили это сделать. Кто? С какой целью? На эти и многие другие вопросы мне теперь и предстояло найти ответы.

Для контроля я еще раз ввел себя в состояние экстравосприятности и перед моим внутренним взором снова промелькнули эти холодные глаза. Только теперь в них сквозило некое удивление. Они смотрели прямо на меня, в упор, из небытия... Потом все исчезло. И снова внизу шумел ветер, бились о парашет набережной волны, а рыбаки...

– Эй, мужик! – услышал я голос сквозь шум ветра, обращенный явно ко мне. – Ты тоже пришел топиться?.. Все с ума посходили от пьянки. Иди домой! Проспись! Мужик, ты меня слышишь?!

... Стоя сбоку от автоматических дверей метропоезда и не обращая внимания на входивших пассажиров, я прикидывал свои возможные действия по выяснению обстоятельств, предшествовавших гибели Виктора. «Мне необходимо будет проследить буквально шаг за шагом, день за днем жизнь Воробьева, – думал я. – А начинать надо с визита к Роману Братееву, который когда-то служил вместе с Виктором в Московском уголовном розыске». Воробьев в свое время знакомил нас и потому я мог приехать к нему без предварительной договоренности о встрече. К тому же Братеев жил недалеко от моего дома и это меня особенно устраивало.

Купив в «комке» у метро «Кантемировская» бутылку водки, я свернул к длинному шестнадцатиподъездному дому, возведенному на моей памяти на месте большого оврага.

Братеев «на мое счастье» оказался дома. Он даже не удивился моему приходу, проговоров: «Я уже слышал про Виктора...»

– Надо его помянуть, – сказал я, доставая из кармана плаща бутылку.

– Пошли на кухню, чтобы жену с дочкой не беспокоить.

Мы выпили по сто граммов и больше до конца разговора не притрагивались к бутылке. Я внимательно слушал и запоминал все, о чем рассказывал Братеев.

... Начальник отдела МУРа полковник милиции Касьянов выглядел уставшим и не выспавшимся. Роман даже шепнул Виктору:

– Касьянов вторую ночь в управлении. Нас ему в помощь определили. Состоится важная операция!..

Кроме молодых сотрудников в кабинете находилось еще двое опытных оперов, которых прикрепили старшими к практикантам, пришедших в милицию после увольнения из армии.

– Квартирные кражи одолели, – сетовал полковник, приглаживая редкие курчавые волосы на голове. Это как эпидемия. Представляете, какой расклад? Каждые две минуты на просторах России происходит очередное ограбление квартиры. А через каждые пятнадцать минут случается вооруженное нападение на самих хозяев квартир.

– Это когда преступники застают хозяев дома, – дополнил капитан Вишин, покосившись на стажеров.

– А мне подчас даже странным кажется, что еще попадают нам в руки невооруженные грабители... – подал голос и старший лейтенант Федоров. – Холодное оружие я уже в расчет не беру. Пистолеты, обрезы охотничьих ружей, а теперь все чаще и чаще автоматы – вот с чем теперь берут квартиры преступники.

– Жулье обнаглело, – согласился полковник, кивнув большой лобастой головой. – Лезут-то они в квартиры почему? Надеются, что хозяйева держат доллары в чулках, а не в банках.

– К тому же суды нас крепко подводят, – с кислой миной на лице проговорил капитан Вишин. – Есть, видишь ты, такая статья в новом Уголовном кодексе – скупка краденого. Если ее применять с умом, то за такие «покупки» виновные должны сидеть в тюрьме хорошо и долго. Однако в последние годы что-то не припомню случая, когда бы эта статья оглашалась в судах.

– Это факт! – поддержал его старший лейтенант Федоров. – Известно ведь, что любое ограбление только тогда чего-нибудь стоит, когда есть кому украденное или награбленное сбыть.

Капитан Вишин стукнул кулаком по столу:

– Да я лично знаю в лицо некоторых скупщиков краденого, а что толку!.. Возьмешь их за шкуру, приведешь в суд, но любой самый бездарный адвокат сразу тычет тебе фразу из УК, которая гласит, что наказанию подвергается только тот скупщик, который точно знает, что покупает краденое. Доказать же это практически нереально.

– Невозможно! – поддакнул старший лейтенант.

Вести долгие разговоры «за жизнь» сотрудникам отдела не пришлось. Поступил вызов, и они тут же выехали на место преступления, захватив с собой, хотя и не очень охотно, практикантов.

В машине полковник Касьянов, лично возглавивший концовку сложной многоходовой операции, ввел практикантов в курс дела:

– Мы давно следим за двумя квартирными ворами. Один из наших подопечных «вор в законе». Удалось даже установить, кого и когда они грабанут. Кстати, там наверняка сработал наводчик, хорошо знавший богатую семью. Тут уж никакие металлические двери не спасут, никакие секретные замки не уберегут. Если «законник» пошел на дело – пиши пропало. Он обделает его непременно. В данный момент воры уже в квартире, как нам сообщила «наружка». Нашими людьми блокирован выход из подъезда. Преступников необходимо взять с поличным...

Роман и Виктор непосредственно не участвовали в операции по захвату квартирных воров. Они просто сидели в салоне «Волги» и с любопытством наблюдали за тем, как развивались события.

Все было, как в кинодетективе. Осторожно приоткрылась дверь, из-за нее появился белобрысый парень лет девятнадцати. Не заметив опасности, он снова исчез за дверью, а затем вышел опять, согнувшись под тяжестью набитого до отказа рюкзака. Следом за ним появился высокий мужчина с желтым болезненным лицом и в кепочке-американке, сдвинутой на глаза.

И тут же к подъезду с четырех сторон подскочили оперативники.

Мужчину в кепочке обезоружил опер Федоров. А вот капитан Вишин сплеховал. Молодому вору удалось вырваться из его рук, стукнуть кастетом по голове второго милиционера и скрыться за домом.

Не дожидаясь приказа, Воробьев выскочил из машины и со всех ног бросился догонять беглеца. Вор пытался как можно быстрее достичь противоположного конца улицы, где стоял грузовик. Но оттуда ему навстречу выскочили трое сотрудников милиции. Он резко остановился, выхватил из кармана пистолет и трижды выстрелил в сторону грузовика. Затем он крутанулся на месте и ринулся в ближайшую подворотню.

Воробьев преследовал его минут десять, не давая передышки. Наконец вор окончательно выдохся, забежал в проходной дворик и, спрятавшись за мусорными баками, открыл огонь по Виктору.

Сколько раз уже за свою, в общем-то, недолгую жизнь слышал бывший старшина-пограничник посвист пуль над своей головой! Но то было в горах Чечни и Таджикистана, где он проходил срочную службу. А здесь, в центре Москвы, услышать такое он никак не предполагал. И отвечать ему было нечем. Пока еще младшему лейтенанту милиции, только-только зачисленному в штат, оружия не выдали. И тогда Воробьев решил схитрить и повторить трюк, который проделал однажды в горах Чечни, выкуривая из-за укрытия боевика. Он начал «качать маятник», то появляясь из-за угла дома, то прячась за соседним. Каждый такой «качок» заставлял белобрысого делать два-три выстрела. Когда же, по расчетам Воробьева, у того кончились патроны и он должен был, по крайней мере, перезарядить обойму, Виктор одним броском достиг укрытия, где сидел вор, и ударом ноги выбил у него из рук оружие, а затем передал задержанного подскочившим сотрудникам.

Когда практиканты возвращались в управление, Братеев поинтересовался у Виктора:

– Ты спортом занимаешься профессионально?

– А что?

– Да так! Хватка у тебя, как у истинного профи. Да и тренированность чувствуется. Столько пробежал и не задохся... Хочешь продолжить занятия в нашем «Динамо»?

– А я уже...

– Что «уже»? – не понял Роман.

– Занимаюсь. Скоро на первенство России выступать поеду.

– Иди ты! – не поверил Братеев. – И каким же видом спорта ты занимаешься?

– Борьбой. Выступаю в сборной Москвы в категории «до семидесяти девяти килограммов».

– Так ты тот самый Воробьев... – удивленно проговорил Роман. – Тогда все ясно! Как же я тебя сразу не узнал? Я же видел, как ты месяц назад нашего Гогу сделал. Это была классика! ...Прощаясь со мной, Братеев сказал:

– Александр Григорьевич, хорошо бы вам встретиться с бывшим тренером Воробьева. Он сейчас как раз у нас в «Динамо» работает. А когда мы впервые познакомились с Виктором, он сборную Москвы тренировал. Уникальный мужик!

– Да, я знаю, – сказал я. – Мне о нем Виктор рассказывал. Это Владимир Алексеевич Поддубняк.

– Так точно! – по-военному ответил тот.

Я пожал руку Роману и вышел на лестничную площадку.

«Вот таким образом началась служба Виктора в милиции, – подумал я. – А завтра, прямо с утра, надо будет навеститься к Поддубняку. Попробую побольше узнать о Викторе и его спортивных успехах...»

Думая так, я спустился вниз и, выйдя из подъезда, остановился, чтобы оглядеться вокруг. Не знаю, что подсказало мне отпрыгнуть в сторону. Но только в то самое место, где я только что стоял, врезался самый что ни на есть обыкновенный кирпич.

«Откуда он взялся в крупноблочном доме?» – задался я вопросом, задрав голову вверх. Кирпичу было взяться просто неоткуда. Разве что из воздуха...

Ночью мне привиделись люди без лиц. Точнее, нет. Лица этих людей скрывали маски, белые гипсовые маски с дырками для глаз и рта. Они окружали стройного мускулистого мужчину, в котором я без труда узнал Виктора Воробьева. Он не обращал на них внимания, его взгляд был устремлен поверх их голов, куда-то вдаль. А они, пытаясь привлечь его, размахивали руками, что-то наперебой тараторили, подпрыгивали, отталкивали друг друга...

### 3

Домой Рафаэль вернулся только на следующий день. Переживания и бессонная ночь отразились на нем так, что жена сразу заметила его осунувшееся лицо, темные круги под глазами.

– Иди, поешь, – сказала она.

– Не хочу, – вяло отмахнулся Рафаэль, скидывая с плеч пальто прямо на руки жены. – Пойду спать...

– А что это у тебя в кармане?.. – спросила Мария Ивановна через пару минут, когда Рафаэль, переодевшись в уютную пижаму, развалился на шикарном двухместном супружеском ложе из дорогого итальянского гарнитура.

Рафаэль открыл глаза и увидел в руках жены трусики их дочери.

– Это Каришины... – сонно пробормотал муж.

– Вижу, что не мои! – грозно сверкнув глазами, повысила голос Мария Ивановна. – Ты чего это себе позволяешь, старый кобелина?!

– Да ты что, Машка?.. – даже привстал на постели Рафаэль. – Это ж я взял их специально, чтобы отнести в милицию...

– Что же не отнес? – сбавила тон жена.

– Замотался с делами... Совсем про них забыл... Понимаешь?

– Не понимаю! – отрезала Мария Ивановна. – О дочери ты должен помнить всегда и всюду при любых обстоятельствах!

– Я о ней всегда помню! – твердо и даже как-то зло проговорил Рафаэль. – И поверь мне, больше ее никто и никогда не обидит!

– Вот как раз об этом нам с тобой и надо поговорить, – сказала Мария Ивановна, теребя девичьи трусики в руках. – Ты понимаешь, что Карише нельзя будет вернуться назад в школу? Пойдут всякие сплетни, слухи. Ей там житья не дадут всякие насмешники.

– Я об этом также думаю. Давай переведем нашу дочурку в другую школу. А что? Это идея! Новые люди, новые впечатления... Мы сможем даже устроить ее в какую-нибудь частную элитную школу в другом конце Москвы.

– Есть предложение получше, – заметила супруга Рафаэля, проходя в спальню и присаживаясь на край кровати.

– Слушаю тебя, – Рафаэль в настоящий момент олицетворял собой само внимание.

– Главврач больницы, где сейчас лежит Кариша, предложил поместить ее в закрытый частный центр для девочек, переживших насилие. Там очень хорошо: индивидуальные занятия, развитие способностей, изучение иностранных языков, а главное – психологические... Как это он сказал? «Психологическая кор-рек-ти-ров-ка», – по слогам произнесла Мария Ивановна трудное для нее слово.

– Об этом мы подумаем, – кивнул Рафаэль.

– Ты, наверное, не все понял... – продолжала жена. – Этот центр ре-а-би-ли-та-ции находится в Англии!

– Ух, ты! Это даже лучше, чем я мог вообразить, – обрадованно улыбнулся Рафаэль. – Я согласен! Слышишь ты? В Англию нашу дочурку – и никаких гвоздей!.. А мать твою немую, – улыбаясь чему-то, добавил он, – мы отправим в деревню к твоей младшей сестре, Василисе Ивановне. Там ей будет лучше...

– Нашел повод, чтобы избавиться от мамы... А что будем делать с милицией? – спустила с небес на землю Рафаэля жена. – Ты им ничего не сообщил, насколько я могла понять? Это им может показаться странным. Ведь врачи из больницы, куда доставили нашу дочку, должны были уже известить компетентные органы о факте изнасилования. Что ты на это скажешь?

– С этим я как-нибудь сам разберусь. Придумаю что-нибудь. Скажу им, например, что не буду требовать возбуждения уголовного дела против насильников. Зачем ломать юношам будущую жизнь? Да и в милиции брать на себя лишнюю работу, думаю, не захотят. Раз нет заявления от родителей потерпевшей, значит, нет и самого преступления...

– Нет, Рафик, что-то тут не так... – недоверчиво покачала головой жена, и это вызвало бурную реакцию со стороны мужа:

– Сколько раз тебе можно повторять, чтобы ты никогда не называла меня этим дурацким именем. Рафаэль я, понятно?

– Что ты орешь, оглашенный?! – завелась в свою очередь Мария Ивановна. – Я тебе дело говорю!

– Молчи, дура! Будешь тут мне еще на мозги капать!

– Ну и черт с тобой! – произнесла жена, резко встав с кровати. – Делай, как знаешь, умник! В одном ты прав, маму, пока у нас все не уладится, мы должны отослать в деревню к Василисе. Там ей будет лучше...

\* \* \*

Дядя Петя, как понял впоследствии Лепила, был человеком невредным. Да, он любил хватить лишку под хорошую закуску, посудачить за столом с умным собеседником, пофилософствовать, вспоминая старые времена. А вспомнить дяде Пете было что, ведь он прожил на этом свете семьдесят шесть лет и навидался всякого.

– Я тебе авторитетно заявляю, что прежняя жизнь была куда интереснее, чем нынешняя, – разливая по стаканам водку на кухне своей однокомнатной квартиры, говорил дядя Петя, обращаясь к сидевшему напротив него Лепиле, сразу после того как Тимур, оставив несостоявшегося покойника под присмотром своего старого приятеля, отбыл в Москву по каким-то неотложным делам. – Воздух был куда свежее, вода гораздо вкуснее, а пища значительно здоровее. Вот взять хотя бы водку... И та была лучше! Не в пример этой. Вздروгнули!..

Лепила только отпил из стакана всего один глоток. Дядя Петя же выпил водку всю до последней капли, занюхал ее собственным волосатым кулаком, напоминавшим боксерскую перчатку, и только после этого добавил к уже сказанному:

– Лучше была, зараза! Вот ты не пьешь, а зря. Ты думаешь, почему это дядя Петя все еще живой, коптит на этом свете как старый паровоз-«овечка»? Только благодаря вот этой самой заразе! – И он ласково огладил ополовиненную поллитровку. – Правильно кто-то из древних умников сказал: «Вино – кровь стариков». Если бы не эта зараза, я бы давно копыта откинул. Конечно, здоровье хреновое, прямо надо сказать! Но все же, все же! Еще не покойник! – И дядя Петя со смехом похлопал себя по жирным телесам, синим от татуировок.

– А ведь у вас цирроз печени... – осторожно заметил Лепила.

– Это почему же? – обиделся хозяин квартиры.

– Сами посмотрите на себя в зеркало. Видите? – спросил Лепила, когда дядя Петя, встав из-за стола, прошел в ванную и стал там себя рассматривать в зеркале, ощупывая свои телеса. – Живот как у девятимесячной роженицы.

– Ну и что такого? Это трудовая мозоль!..

– Да нет, уважаемый! Это циррозная водянка – самый явный признак того, что ваше «депо ядов» уже не справляется с алкогольными токсинами...

– Ах, да! Тимур же говорил, что ты врач, – сказал дядя Петя, возвращаясь за стол.

– Точно, – согласно кивнул Лепила.

– А раз ты врач, то ответь мне на такой вопрос: почему это я совсем спать перестал? Если не выпью, то ни за что не засну. Просто наказание Господне, да и только! – дядя Петя тяжело вздохнул, закатив глаза, а потом продолжил излагать свои жалобы: – Опять же отдышка заму-

чила. Бывалоча, на свой пятый этаж птичкой взлетал, без остановки, а теперь пока доплетусь до квартиры из магазина, десять раз остановлюсь, чтобы отдышаться.

– Надо завязывать с водкой и ложиться в больницу, – посоветовал Лепила, вспоминая, что со вчерашнего дня ничего не ел. Подвинув к себе поближе тарелку с жареной мойвой, он принялся уплетать ее за обе щеки прямо с костями.

– А чего со мной делать будут в больнице? – пригорюнившись, поинтересовался дядя Петя.

– Прокол будут делать.

– Какой еще, прости господи, «прокол»? – не на шутку испугался дядя Петя.

– Ну, жидкость надо выкачать оттуда или нет? – Лепила показал пальцем на живот собеседника и сам же ответил на свой вопрос: – Обязательно надо, а то еще родишь, чего доброго... двойню!

– Шутишь, а еще доктор! – невесело проговорил дядя Петя, наливая себе очередную порцию из поллитровки. – Скажи лучше, ты спец по каким болезням? Чему тебя, так сказать, в институте обучали?

– По специальности я венеролог, а вообще приходилось быть и хирургом, и даже акушером. Всякое бывало в жизни. Особенно когда в армии служил. У нас, понимаешь ли, военная кафедра была. Ну и после окончания вуза пришлось два года в военном госпитале прослужить.

– Да, армия! – протянул дядя Петя, и Лепила сразу почувствовал, что настроение у его собеседника резко улучшилось. – Я, будет тебе известно, армии тридцать лет жизни отдал. Как призвался в том сорок первом, так всю войну в десанте и прокувыркался. Трижды ранен. А как только война закончилась, так стали всех увольнять подчистую. А мне куда идти? В живых никого из родных не осталось, деревню, где родился, фрицы пожгли. Что тут делать? Вот и решил я тогда остаться в армии навсегда. Пошел поступать в офицерское училище. А мне там и говорят: «Тебе образования не хватает, чтобы на офицера учиться!» И точно, я ведь среднюю школу так и не закончил. Тогда мне и предложили стать старшиной курсантской роты в воздушно-десантном училище...

– Это вас в училище так раскрасили? – усмехнулся Лепила, кивая на наколки.

– А, это? Нет, это по глупости. Еще до армии. Я тогда чуть было не загремел под фанфары туда, куда Макар телят не гонял. Впрочем, это все по молодой дурости, – отмахнулся дядя Петя. – Ты лучше популярно мне разобъясни, что это за фигня такая: венерические заболевания? И почему это сейчас по «ящику» только и долдонят: «Безопасный секс, безопасный секс!» А что раньше он был опасный, что ли?

– Что такое венерические заболевания? – переспросил Лепила, устраиваясь поудобнее на стуле. Заморив червячка, он вытер пальцы и губы своим носовым платком, собираясь усыпить хозяина квартиры длинной лекцией, а затем попытаться выбраться из этого места, которое все еще не внушало ему особого доверия. – Во Франции когда-то жил один врач по фамилии Бетанкур. Он и умудрился назвать несколько болезней именем Венеры – богини любви. Но он, на мой взгляд, обидел ее совсем не заслуженно, ведь в половые отношения люди вступают далеко не всегда только по любви...

– Это факт! – согласился дядя Петя, опустошая свой стакан. – Это я помню...

– Вообще-то, венерология изучает четыре болезни: сифилис, гонорею, мягкий шанкр и лимфогранулематоз, который еще называют «четвертой венерической болезнью».

– Что, всего четыре? – подивился дядя Петя. – А как же СПИД? Сейчас все только его и боятся.

– Ну, СПИД выявлен сравнительно недавно. Недаром же его называют «чумой двадцатого столетия». А вот другие венерические болезни, те куда древнее. Тысячу лет назад жил такой ученый Авиценна. Так он в своих трудах уже тогда упоминал о симптомах болезни, сход-

ных с сифилисом. Правда, тогда ее называли «половой чумой». В Средние века эпидемия этой болезни заставляла враждующие армии заключать перемирия.

– Во как! Клин клином...

– А в Россию эту заразу занесли при Иоанне Третьем в пятнадцатом веке. Ее так и назвали «французская болезнь», хотя сами французы пользовались другим обозначением, называя половую чуму «неаполитанской болезнью»...

– Ну, да, это я как раз понимаю! Мол, я – не я и болезнь не моя!.. – поддакнул хозяин квартиры.

– Вам лучше прочитать об этом в популярной книге доктора Знаменского, которая называется «Болезни века». Кстати, я хорошо знаком с автором этой книги. Мы вместе учились, а потом наши дороги разошлись. Но совсем недавно я снова с ним повстречался у одного общего знакомого на похоронах. Доктор Знаменский предложил мне сотрудничество. В общем, если бы не он, то мы с вами сейчас здесь вряд ли бы разговаривали...

Лепила еще долго рассказывал о медицинской науке, которой занимался, о своем друге – докторе Знаменском, писавшем не только научно-популярные книги, но и так называемые «медицинские детективы», издававшиеся в крупнейших коммерческих издательствах, и в результате сумел добиться своего – дядя Петя начал клевать носом. В конце концов, он захрапел прямо за столом, облокотившись на свой здоровенный кулак, больше смахивающий на головку новорожденного ребенка.

«Пора и честь знать, – подумал Лепила, осторожно вставая из-за стола. – Будет гораздо лучше, если я остаток дня и ночь проведу у себя дома. Там можно будет спокойно обмозговать все, что со мной произошло в этот день и попытаться найти ответ на этот непростой вопрос: кто мог меня настолько невзлюбить, что додумался подослать ко мне наемного убийцу?»

Лепила на цыпочках подошел к входной двери и попытался отпереть ее, но не тут-то было – в замочной скважине не было ключа. Видимо, хозяин квартиры куда-то запрятал ключ, чтобы не позволить гостю покинуть его дом без разрешения.

Проклиная все на свете, Лепила вернулся на кухню и снова сел на свое место, скрипнув стулом. Дядя Петя сразу встрепенулся, словно услышал команду дневального: «Рота, подъем!»

– Да! – будто и не прекращал разговора, произнес он. – А после службы в армии я еще работал в Кремле! Вот где интересная была работенка, доложу я тебе. Со всеми, почитай, руководителями партии и правительства за ручку здоровкался. Да! А ты как думал! Вот эту руку самолично пожимал Брежнев. Черненко с Андроповым, правда, не пожимали – слишком гордые были. Да! Но мне что до того? Я же все равно многое мог. О-го-го!

– И кем же вы там трудились? – не скрывая изумления, спросил Лепила. – В каком, так сказать, качестве?

– А это, доктор, секрет. Военная и государственная тайна!..

\* \* \*

Больше всего в этой жизни Валет боялся двух вещей: одиночества и алкоголизма. Последнее особенно его беспокоило, поскольку он еще в детстве насмотрелся на то, как его отчим, напившись до полного оскотиневания, лупцевал почем зря и чем попало его родную мать – тихую и богобоязненную женщину, которая предпочла умереть от побоев, но ни словом не обмолвиться даже соседям о том, что ее муж – зверь и садист. Пьяного отчима Валет, хотя нет, тогда его звали просто Аркаша Буков, бандитскую кличку Валет он получил гораздо позже, самолично придушил на следующий же день после того, как собравшаяся немногочисленная родня помянула его мать на сороковинах. Сделал он это легко и просто с помощью подушки-думки, наволочку для которой с красивыми петушками вышивала еще его мать-покойница. Было ему тогда всего пятнадцать лет. С тех самых пор вся его жизнь покатила под уклон,

пошла под откос, полетела в тартарары. Правда, со временем он как-то притерпелся, сумел свыкнуться с тем, что всегда за ним кто-нибудь охотился, гонялся, выслеживал, поскольку постоянно числился в милицейском розыске за самые разные преступления.

За свои тридцать три года Валет добился многого, недаром же некоторые мужики в зоне, бывшие гораздо старше его по возрасту, проникались к нему дикой завистью, так как даже в зоне кореша-уркаганы всегда устраивали его на самые хлебные места и относились к нему, как к авторитетному вору. Но короноваться Валет так и не успел. Чуть-чуть, самую малость не хватило ему срока во вторую ходку. В общей сложности же он мотал два срока и оба за разбойные нападения. По первому разу он отделался всего тремя годами лишения свободы, а вот во второй раз его закатали на шесть лет как рецидивиста.

При этом нанятый адвокат сказал на последнем свидании перед тем, как Валету этапироваться из следственной тюрьмы в исправительно-трудовое учреждение:

– Тебе, парень, здорово повезло. Сто шестьдесят вторая статья Уголовного кодекса предусматривает в твоём случае лишение свободы на срок до пятнадцати лет с конфискацией. Считай, что в рубашке родился, поскольку тебе дали всего ничего...

Да, тот адвокат был неплохим специалистом, хорошо знавшим свое дело. И Валет отплатил ему добром за добро, сделав тому неплохую рекламу, рекомендуя его своим корешам, временно гулявшим на свободе.

«Структуру» Валет организовал года три назад, когда «выздоровел» от второй ходки. Уж как-то так получилось, что в то время на свободе оказались его самые близкие друзья, с которыми он вместе боролся против ссученных на Колыме. Так уж подгадало, что именно эти проверенные в серьезных делах зэки и создали костяк «структуры», которую возглавил Валет. Четверо из них – Кила, Струг, Стольник и Федька Барин – стали бригадами и только Васька Буерак остался при главаре за «замполита». Всего же в «структуре» Валета было пять бригад, которые занимались тем, что «следили за конституционным порядком» на нескольких подмосковных рынках, а также «работали крышей» для примерно двух десятков разных коммерческих предприятий, находившихся на территории Юго-Восточного административного округа Москвы.

За четыре бригады, которыми заправляли друзья-товарищи, у Валета душа была спокойна, а вот пятая бригада доставляла ему немало беспокойств. Дело в том, что возглавлял ее Славик по кличке Лось, который еще ни разу не сидел, а тем не менее ставил себя выше совнаркома, вступая в споры даже с самим Хозяином. Но это было бы полбеда, Валет умел прощать молокососов, понимая, что вся их бравада и выпендрей идут только от глупости и неопытности. Лось и вся его «великолепная семерка» возомнили себя непобедимыми героями из какого-то американского вестерна. Дважды они устраивали разборки с местной шпаной и один раз даже открыли стрельбу по каким-то там заморышам из Текстильщиков. Этого Хозяин спустить им никак не мог.

– Эти сучьи дети подведут нас всех под монастырь! – заволновался Валет.

– Не бери в голову, – как мог, успокаивал его «замполит». – Все обойдется!

– Нет, зёма, не обойдется! – жестко проговорил Валет. – Сегодня они «стволами» машут без толку, а завтра руку на нас поднимут. За это надо карать! Каждая гнида должна знать свое место в «структуре», а иначе к ногтю ее – и весь разговор!

– Погодь, спешка хороша только при ловле блох, – не унимался Васька Буерак. – Я сам поговорю с этими отморозками, и если они меня не поймут, тогда делай с ними что хочешь...

– Лады! – неохотно согласился Валет.

Разговор у Васьки Буерака с Лосем не получился. «Замполит» притащился на блатхату побитый и общипанный, как петух перед варкой.

– Прав ты, зёма! Мочить надо этих сученышей беспощадно! Ты только подумай! Они решили к нацменам прибиться...

– От кого узнал? – вскочил с любимой тахты Валет.

– Мокрый настучал.

– А, этот тот самый ублюдок, что у Лося за шестерку ходит?

– Не, Мокрый – наш пацан, свой в доску. Я его еще осенью в свою веру обратил. Он давно за Лосем присматривает...

– Так! И что же? – нетерпеливо стукнул правым кулаком о левую ладонь Валет.

– А то, что Лось на днях встречался с «арами», которые на нашу территорию давно глаз положили.

– Собирай «кворум»! – злобно блеснув глазами, коротко бросил Валет, подумав про себя: «За это я им устрою “проверку на вшивость”. Надо было давно это сделать».

Всю бригаду Лося Валет и его пятерка самых доверенных людей, состоящая все из того же Васки Буерака, а также бригадиров Килы, Струга, Федьки Барина и Стольника, вооруженных новенькими пистолетами-пулеметами, застала в самом отдаленном месте Кузьминского парка, куда обычно не заходили гуляющие парочки. Там находился полуразрушенный кирпичный дом, построенный еще в прошлом веке, где дирекция парка раньше хранила всевозможный уборочный инвентарь. Теперь же про эту развалюху все забыли, и это место стало любимым для Лося и его людей.

Визит Валета оказался для Лося полной неожиданностью. Он как раз занимался тем, что, сидя за импровизированным столом в кирпичной развалюшке, допивал, причмокивая, пиво из большой пол-литровой кружки, при этом то и дело, прикладываясь к аппетитной спинке вяленого леща. За столом, уставленным пустыми и еще полными бутылками из-под чешского пива, расселась и вся его братва.

– Славик, – тихим голосом позвал Валет, заходя в донельзя захламленное помещение, где пиروвала молодежь. – Ты, что же, уже меня в упор не видишь?..

– А ты что, голая краля из кордебалета, чтобы на тебя пялиться? – нахально хохотнул Лось. – Смотрите, братки! К нам пожаловал дядя Валет, собственной фигурой. Ну-ка, освободите место Хозяину, чтобы он не устал стоять...

– А ведь я с тобой, Славик, за один стол не сяду, – держа руки в карманах плаща, так же негромко проговорил Валет.

– Это почему же такая ко мне немилость, ваше степенство? – дурашливо раскланиваясь, осведомился Лось.

– Просто ты забыл все, что я для тебя сделал, и продался, как последняя сука, черным. Только и всего...

Славик пожевал губами, обдумывая, как получше ответить Хозяину, но так ничего и не придумал.

– Дружище! – неожиданно заорал один из ближайших корешей Лося по кличке Драчелый, который, видимо, уже здорово наакался «ерша». – Валет один на разборки приперся, гадам буду! Замочить его, суку! Делов-то! На раз!..

Драчелый, вскочив с места, выхватил из-за ремня ТТ и навел его на Хозяина. Правда, выстрелить он не успел, его прошила очередь из пистолета-пулемета, выпущенная Бариним прямо через незастекленное окно. Взвыв от боли, Драчелый закрутился на месте, расшвыривая бутылки и кружки со стола, а потом, еще несколько раз дернувшись, застыл на месте, сунувшись мордой в тарелку с очистками от рыбы и креветок.

– Они его пришили! – по-бабьи тонким голосом завизжал Лось. – Они нас всех порешат!

– Нет, – усмехнулся Валет, – сегодня сдохнут только те, кто нарушает наш конституционный порядок!

Сказав это, он ткнул пальцем в сторону Лося и тот тут же, получив свою порцию пуль в грудь из соседнего окна, как-то странно зевнул и рухнул под стол мертвым.

– Остальные могут получить прощение, если, конечно, сумеют доказать свою лояльность... – начал было объяснять Валет жавшимся друг к другу совсем еще молодым пацанам, но его перебила новая очередь со стороны все того же Барина. На этот раз пули настигли бритоголового здоровяка, который тихой сапой попытался достать свой дамский браунинг из-за отворота ботинка, где его хранил, и пустить его в дело.

– Раз, два, три, – посчитал Валет, загибая пальцы левой руки. – Трое! На тот свет пока, прямо без пересадки, отправилось только трое. Хватит, как вы думаете? – вежливо обратился он к позеленевшим от страха мальчишкам, у которых даже и мысли не возникло оказать сопротивление.

– У меня для вас есть кое-какая информация, – тихо произнес один из пятерки по кличке Мокрый, кланяясь, словно японский болванчик.

– Послушаем. Вон отсюда все, кроме Мокрого! – приказал Хозяин.

– К «арам» приехали долгожданные гости, – задыхаясь от усердия, проговорил Мокрый. – Это «ишаки». Они из Душанбе. И прибыли не с пустыми руками. У них партия «стволов» для черных. Лось должен был завтра встретиться с Бабаяном и вместе с ним устроить для «ишаков» хороший стол в одном злачном месте. Туда же соберутся еще несколько черных и пять-шесть шустрых девочек...

– Место и время? – коротко спросил Валет, при этом злобно сжав губы в тонкую полоску.

– Они соберутся в сауне в Южном порту. Там еще плавучий ресторан на бывшем пассажирском судне устроили... Ровно в двадцать два ноль-ноль. Я слышал, как Лось и Драченный сговаривались с Бабаяном...

– Я тебе верю, сынок! И смотри, если хоть что-то ты мне соврал, то я из тебя шашлык сделаю. Можешь мне поверить!

Обычно «мусор» на предприятие Рафаэля привозил Васька Буерак. Вот и на этот раз он сам сидел за рулем «газели», когда машина, миновав проходную, въехала на заводской дворик, где его уже поджидали двое рабочих-бетонщиков из ночной смены.

– Выгружайте, хлопцы! – распорядился Буерак, показывая на кузов, задернутый брезентовым тентом. – А я должен повидать Рафаэля. Он на месте?

– Тю на тебя! Да где ж ему еще быть? – ответил один из рабочих, причем Буерак сразу определил по его акценту, что тот – гастарбайтер с Украины.

Когда Буерак вошел в кабинет начальника цеха, тот говорил по телефону, сделав знак Ваське, чтобы тот немного обождал.

– ...Ничего страшного, Машка! – продолжал начатый ранее разговор Рафаэль. – Ты говоришь, он сегодня звонил? Повтори еще раз все то, что он сказал... Спросил, почему семья не подала заявление о насилии? А ты что ответила? Правильно! Всякий мент еще в душу лезть будет! Так и надо! В конце концов, жалко юношей. Им ведь в армию идти... Все правильно сказала, молодчина! Что еще он спросил? Не знаем ли мы, куда подевался бывший одноклассник Кариночки по фамилии Добудько? А кто это такой? Мы его знать не знаем... Ты так и ответила милиционеру следователю? Хорошо! Все правильно сказала, говорю! А, черт! Плохо слышно... Связь ни к черту! Что еще он сказал? Будет возбуждено уголовное дело по факту изнасилования?.. И передано в прокуратуру? Но мы же... Ах, так... Ладно, я со всем этим сам разберусь, не волнуйся. Да. Ты лучше готовь Кариночку к отъезду, как доктор прописал. Ну, все, это уже не телефонный разговор. Да, я задержусь. У меня опять ночная смена. До утра, дорогая!

Рафаэль положил трубку на аппарат и некоторое время о чем-то размышлял, не обращая внимания на вошедшего. Васька же, подсмотревший в прошлый раз то, где находился засекреченный бар, вертелся возле шкафа, пуская в потолок дым от длинной черной сигареты.

– Чего тебе? – наконец повернул голову в сторону Буерака Рафаэль. – Выпить хочешь, что ли?

– Неплохо бы... – облизнулся Буерак.

– Так ты же за рулем, – напомнил Рафаэль, поднимаясь с места.

– Да я много не буду. Так, слегка понюхать...

– И что именно будешь «нюхать»? – съязвил Рафаэль.

– А что есть в меню?

– Сам выбирай! – махнул рукой Рафаэль, у которого не было сейчас настроения говорить даже с таким человеком, как Замполит, являвшимся правой рукой самого Валета. Он нажал на какую-то потайную кнопку за шкафом и тот раскрылся, словно лепестки тюльпана, радуя глаз множеством бутылок с разными этикетками.

– Ух ты, мать моя женщина! – восхищенно причмокнул Буерак. – Прямо как в кино!.. Можно, я вот из этой малость лизну, из граненой?

– Это «финка», – пояснил Рафаэль, доставая бутылку с полки, откупоривая и наливая из нее в рюмку Замполита.

– В каком смысле? – не понял Буерак.

– В том смысле, что это финская водка. Чистейшая, как слеза!

– Выпью! За ваше!.. – сказал он, принимая рюмку из рук Рафаэля.

– Давай пей и рассказывай! – нетерпеливо произнес начальник цеха, закрывая бар.

Замполит зачем-то зажмурился, зажал левой рукой нос, как будто собирался отвесть политуру, и опрокинул содержимое рюмки себе в рот.

– Фу-у!.. – сказал он. – Вообще-то, я в завязке... Второй год пошел, как не употребляю. Может, еще по одной, а?

– Перебьешься! – возвращаясь на свое место, ответил Рафаэль. – Рассказывай!

– Про «мусор»? Сегодня Валет троих прислал, но велел предупредить, что завтра, возможно, будет несколько больше. Расценки прежние.

– Договорились, – не очень охотно согласился Рафаэль, желавший получать за такое рискованное занятие, как «уборка мусора», на порядок больше, чем получал сейчас.

– Тогда все в ажуре, – проговорил Буерак, поворачиваясь к выходу.

– Постой! – остановил его Рафаэль. – А где деньги? Мы же договаривались, что деньги вперед!

– Извини! Совсем из головы вон... Валет никого никогда не обманывает... Получите наличными! – вернувшись обратно, Замполит вытащил из внутреннего кармана пиджака увесистую пачку долларов, перетянутую оранжевой резинкой, и небрежно бросил ее на стол Рафаэля.

– Я не пересчитываю... – сказал Рафаэль, смахнув валюту в ящик письменного стола.

– У нас все на доверии, – улыбнулся Буерак, направляясь к выходу.

– Значит, завтра работы будет больше? – спросил вдогонку Рафаэль.

– Обязательно! – не поворачивая головы, ответил Замполит, выходя из кабинета.

Рафаэль, услышав звук отъезжающего грузовика, задумчиво побарабанил пальцами по столу. Когда же шум от работавшего мотора затих вдаль, он все же вытащил пачку долларов и начал быстро ее пересчитывать, проявляя при этом завидную расторопность. Со стороны даже могло показаться, что считать деньги – это его профессия. Но нет, Рафаэль был инженером-строителем по образованию, а считать большие деньги он научился сравнительно недавно, когда придумал и внедрил в жизнь свое «новое рационализаторское предложение», которое облегчило жизнь многим преступным группировкам не только в Москве, но и в ближнем Подмоскowie. Сокрытие трупов в железобетонных блоках – это и являлось «уборкой мусора». И именно этот «технологический процесс» внедрил в своем цехе Рафаэль. Железобетонные блоки и конструкции, выпускаемые его цехом, шли на «нулевой цикл». То есть они станови-

лись фундаментами различных сооружений, от высотных домов до одноэтажных коттеджей. А трупы, сокрытые в фундаменте таких зданий, вряд ли когда-нибудь отыщутся...

Пересчитав деньги, Рафаэль запер их в потайной сейф, вмонтированный в стену. Только он успел его закрыть, как к нему в кабинет без стука вошел Парасунько, руководивший ночной бригадой, прозванный здесь Ночным Директором.

– Вот что, хозяин! – сказал он. – Не нравится мне настроение у хлопцев...

– Что там еще с их настроением? – буркнул Рафаэль, возвращаясь к своему рабочему месту.

– Требуют надбавки за вредные условия труда и за ночные переработки... Только я бы на вашем месте всех их поувольнял, бисовых детей!

– Это не тебе решать. Знай свое место! – прикрикнул начальник цеха на бригадира, подумав при этом, что перегибать палку с Ночным Директором нельзя, поскольку он один в курсе его «технологического процесса», остальные же рабочие используются, что называется, втемную. – Тебе я действительно прибавлю, а вот с ними... – подумав, произнес Рафаэль. – С ними будем прощаться.

– И правильно! – обрадовался Парасунько. – А ребят я вам подберу. Самых надежных хлопцев.

– Это откуда же ты их подберешь? – подозрительно сощурившись, спросил Рафаэль.

– Дык с соседнего автокомбината! – ответил бригадир, закуривая сигарету без фильтра. – Там сейчас земляки мои вкалывают. И тоже по ночам!

– И что же они там делают?

– Черт-те что! Они на бизнесмена одного пашут. Тот открыл там небольшой водочный заводик на территории автокомбината, главный инженер которого с ним в близких родственных отношениях, а рабочую силу набрал в Харьковской области. Хлопцы хорошие, но получают копейки. Думаю, что у вас будут пахать за полцены, если, конечно, остальные деньги получу я...

– Получишь, не сомневайся! – Рафаэль снова поднялся из-за стола и, подойдя к бригадиру, дружески похлопал его по плечу. – Мы с тобой еще такие дела проворачивать будем, что мало не покажется...

– Верю! Потому и готов работать до победного, – сказал Парасунько.

– Ну, вот и хорошо! – Рафаэль, приобняв бригадира, проводил его к выходу из кабинета. – А этим рабочим скажешь, что сегодня у них последняя смена...

В тот поздний слякотный вечер, когда теплая весна в одночасье сменяется зимним морозцем, гости столицы, приехавшие с юга и нескромно возомнившие себя ее подлинными хозяевами, предпочитали проводить время в уютном зале плавучего ресторана, находившегося на Москве-реке, в районе Южного порта. Там имелось все, чтобы забыть о ненастной погоде, отдохнуть душой и телом в тесной компании близких по духу и устремлениям людей, хорошо выпить, закусить, а потом попариться в сауне с безотказными телками, готовыми продавать свое тело любому желающему, способному платить звонкой монетой.

Гостям с юга было хорошо в плавучем ресторане. Там играла красивая музыка, рекой лились вина и коньяки, а на сцене танцевали молодые прелестницы, переодетые в национальные наряды. При этом они высоко задирали ноги, словно давая понять присутствующим, что под этими самыми одеждами нет даже намека на нижнее белье.

Все бы было прекрасно и замечательно, если бы над этим злачным местом, где даже официанты были свои в доску, одной национальности, уже не нависла тень очень близкой опасности...

– Значит так! – инструктировал своих боевиков Валет, собрав их в подвале недостроенного дома, замороженного строителями на неопределенный срок из-за прекращения финан-

сирования. – Мочите всех, кто попадется под руку, но «ишаков»-таджиков не трогать, ни под каким видом!

– Даже если они начнут сдуру стрелять? – задал вопрос один из самых молодых боевиков с повязкой на левом глазу, который ранее входил в бригаду покойного Лося.

– Даже если начнут стрелять! – жестко ответил Валет. – Они нам нужны живыми и желательно здоровыми. У меня в отношении этих азиатов свои далеко идущие планы...

Сейчас Валет выглядел совсем не так, как раньше. Прежде он говорил неторопливо, растягивая слова и всячески демонстрируя свое превосходство над собеседниками. Но сейчас это был предельно собранный, готовый сокрушать все на своем пути и, если надо, то убивать, не задумываясь, зверь. И это почувствовал каждый из боевиков, кого только собрал для проведения нападения на конкурирующую банду Валет.

– Напоминаю план действий, – пристально оглядев каждого из двадцати боевиков, собранных здесь, проговорил Валет. – Первым, что называется «отмычкой», пойдет Мокрый. Его «ары» знают в лицо. Он у них вместе с Лосем и Драченым уже несколько раз бывал. Мокрый откроет нам доступ в главный зал. А в это время основная часть группы во главе с Замполитом подойдет к плавучему ресторану с другой стороны на катере и скovyрнет внешнюю охрану. Начинать надо вместе и одновременно. Только так мы сможем быстро и без потерь расправиться с этими ублюдками. Это, надеюсь, ясно?

– Давно все ясно, командир! – выкрикнул один из боевиков, одетый в камуфляжную форму. – Сто раз уже все обговорили... Лучше скажи, когда «стволы» с «маслятами» выдавать будут?

– «Стволы» получите на месте. Замполит все знает. Еще вопросы есть? Нет? Тогда вперед, соколики! Поехали! И помните, что от этой операции зависит очень многое. На карту поставлен наш престиж! Или мы берем все под свой контроль, или... – артистично произнес Валет, усиленно жестикулируя, чем напомнил в этот момент кое-кому из своих братков нацистского фюрера. – Или черные станут тут полновластными хозяевами! – закончил он. – Я все сказал, а вы все слышали! А теперь – по машинам!

Мокрый, поднимаясь по шаткому трапу на борт в прошлом пассажирского судна, на котором теперь разместился ресторан, чувствовал себя почти покойником. Сверху, с палубы, его пристально изучали беспощадные глаза двух охранников с черными бородами и устрашающими рожами. Причем под их дубленками угадывались очертания спрятанного оружия.

– Э? Ты зачем сюда пришел? – спросил один из охранников. – Тебе разве в детстве не научили, что без спросу в ресторан ходить нельзя?

– Я от Лося! – поперхнувшись собственной слюной от волнения, крикнул Мокрый. – Нас пригласил Аветис Бабаян!

– А почему ты без Лося пришел? Где Лось?

– Там, в машине! Видите, возле причала?

– Вижу, да! Хорошо вижу, не слепой! Иди, сходи за Лосем! Аветис предупредил, я знаю! – успокоенно сделал разрешающий жест охранник, стоявший справа от трапа.

– Я сейчас за ним схожу! – снова прокричал Мокрый.

– Ходи, давай, если можешь... – крикнул второй охранник, отогревая замерзшие руки собственным дыханием.

Мокрый вернулся на причал и свистнул, сделав рукой приглашающий жест. Тут же из БМВ, стоявшего неподалеку, вылез Валет и два его охранника. Впрочем, Валета сейчас трудно было узнать, поскольку он осмотрительно переоделся в точно такую же одежду, какую обычно предпочитал носить Лось. Больше того, Валет даже нацепил на себя парик с длинными волосами и приклеил себе на подбородок небольшую растрепанную бороденку. Теперь его трудно было отличить от Лося. Вот только рост выдавал его – Лось был пониже и плечи имел не такие

широкие, как Валет. Впрочем, это уже было не столь важно, ведь вечерняя темнота должна была скрыть некоторую непохожесть того, кто пытался выдать себя за совсем другого человека.

Мокрый дождался, когда Валет в одежде Лося поравнялся с ним и первым шагнул на трап. За ним на палубу поднялась и остальная троица.

Пока вновь прибывшие поднимались на судно, стоявшее на приколе, охранники успели вызвать по радиации своего начальника. Это был коренастый человек лет пятидесяти с белой, как лунь, головой и такой же бородкой.

– А! Мокрый, да? – приветливо осклабился седобородый. – О! И сам господин Славик здесь. Тогда полный порядок! Оставьте своих «шестерок» вместе с нашими охранниками и пошли со мной. Вас ждут...

Валет, незаметно подмигнув своим боевикам, пошел следом за седобородым. За ними неохотно потянулся и Мокрый.

– Люди гуляют, да! Отдыхают! А мы тут мерзнуть должны... – недовольно пробурчал один из охранников, намериваясь вызвать на разговор тех двоих, что только что поднялись на борт бывшего пассажирского лайнера, но его затея не удалась. Те, что прибыли, словно в рот воды набрали, подойдя к перилам и облокотившись на них. – Гордые какие!.. – попытался было возмутиться замерзший охранник, но тут же остолбенел, увидев, что в руках одного из неразговорчивых русских появился пистолет с глушителем...

Четырех прозвучавших выстрелов, два из которых были контрольными, никто из остальных охранников плавучего ресторана так и не услышал.

Седобородый начальник охраны тем временем провел Валета и Мокрого к небольшой каюте, находившейся рядом с залом ресторана, из которого раздавались звуки развеселой музыки, открыл дверь и посторонился, приглашая пройти гостей вперед. При этом его взгляд задержался на лице нового гостя, который поспешил отвернуться.

– Постой!.. – вырвалось у седобородого. – Что это ты так постарел, дорогой? Совсем плохо выглядишь! Ай-яй-яй! Меньше работать надо, больше отдыхать!

Валет дернулся было за оружием, но вовремя удержался, поскольку стрелять было еще рановато.

– Положите «пушки-игрушки» в этот ящик, – предложил седобородый, отодвигая ящик письменного стола. – Не хочу, чтобы были неприятности...

Валет и Мокрый, не говоря ни слова, вынули свои пистолеты и положили их в указанное место.

– Это все? – поинтересовался седобородый, указывая взглядом на топорщившийся сбоку плащ у Мокрого.

– А? Это?.. – скривил губы в усмешке Мокрый. – Я про них совсем забыл!.. – с этими словами он распахнул полу плаща и, сняв с ремня две гранаты-лимонки, отправил их в тот же ящик.

– Пальто тоже здесь снимайте! – распорядился начальник охраны. – И пошли в зал, а то Аветис вас уже заждался... Вместе будем отдыхать, как и договаривались!

Пока Валет и Мокрый любезничали с седобородым, на верхней палубе плавучего ресторана происходили следующие события. Как только двое бородатых охранников были ликвидированы, их убийцы дали сигнал остальным боевикам, что проход на судно свободен. И тут же на причале показалось человек десять вооруженных людей, которые один за другим стали быстро подниматься на палубу. Затем, оказавшись на ней, они по двое разбежались в разные стороны, держа оружие наготове.

Те же боевики, что сняли охрану у трапа, сразу переместились на противоположную сторону бывшего лайнера, к которому уже причаливал прогулочный речной «трамвайчик». На его борту находилось еще с десяток боевиков, которыми руководил Васька Буерак по прозвищу

Замполит. Он первым перепрыгнул на палубу большого судна, как только «трамвайчик» подошел к его борту.

– Делай, как я! – прокричал он простуженным голосом, вспомнив свое недолгое служение в мотострелковых частях. Оттуда его – младшего сержанта, командира боевой машины пехоты – отправили в дисциплинарный батальон за то, что умудрился утопить и БМП, и своих подчиненных в неглубокой, в общем-то, реке во время переправы. И все из-за того, что хлебнул перед учебным маршем лишку. Но мысли о бесславном прошлом сразу покинули голову Замполита, когда он заметил, что из окна каюты высунулся ствол автомата и нацелился прямо ему в грудь. – Огонь! – заверещал он не своим голосом, совершенно забыв, что в его собственных руках находится безотказный пистолет-пулемет.

Но противник выстрелил первым и Васька Буерак, сложившись пополам, покатился по палубе к борту, завывая от боли.

Вот тогда-то и началось настоящее светопреставление. С обеих сторон, уже не таясь, открыли беспорядочную стрельбу, которая и продолжалась до тех пор, пока последнего из охраны южан не нашла своя пуля.

В зале же ресторана события развивались несколько иначе. Когда Валета подвели к столу, за которым восседал толстый обрюзгший кавказец, казавшийся гораздо старше своих сорока пяти лет, то он сразу насторожился, не узнав в приближавшемся человеке Славу Лося, которого знал гораздо лучше, чем его начальник охраны.

– Ты кого привел?! – спросил он белобородого. – Я его не знаю!

– Что такое говоришь, Аветис? – развел руками белобородый. – Это же Славик! Ты что перекушал сегодня?..

– Нет, это не Славик! Что я, Лося не знаю? Это не Лось...

– А кто же это тогда? – изумился седобородый, медленно доставая пистолет из кармана.

– Чужой человек! Убей его! – закричал Бабаян, вскакивая из-за стола.

Но Валет оказался проворнее. Выхватив из-под полы пиджака утаенный от начальника охраны пистолет-пулемет, он, отшвырнув ногой мешавший стул, перекрестил струей пуль слева направо сначала седобородого, который все же успел достать пистолет, но выстрелил уже только в потолок, когда падал, а потом и самого Бабаяна, пытавшегося спрятаться под столом.

Дико завизжали девушки на сцене, бросившись врассыпную. Заорали подвыпившие южане, хватаясь за оружие. Но мало кому из них удалось выскользнуть из захлопнувшейся ловушки, в которую превратился для них плавающий ресторан, поскольку в этот момент в зал ворвались боевики Валета, открывшие ураганный огонь по всем, кто пытался оказать сопротивление, и даже по тем, кто никакого сопротивления не оказывал. Уже минут через пять все было кончено. Зал ресторана наполнился агонизировавшими трупами, корчившимися на залистом кровью полу. И только всего несколько человек уцелели во время этой бойни. Среди них оказались двое смуглых людей с узкими, чуть раскосыми глазами и пять девушек, принадлежавших к совершенно определенному сорту девиц самого низкого пошиба.

– Этых возьмем с собой! – распорядился Валет, указывая на таджиков, промышлявших оружием, и на девушек, находившихся в полуобморочном состоянии. – «Мусор» на катер! Отвезете его Рафаэлю! Где Замполит, черт бы его подрал?! – взревел Валет.

– Уже! – ответил Федька Барин.

– Что «уже»? Где его носит?

– Черти его задрали, как ты точно выразился, – невесело усмехаясь, заметил Федька.

А Кила, держась за левое плечо, задетое пулей, добавил:

– Замполит приказал долго жить...

– Проклятье! Тогда Федька Барин этим займется. Доставишь трупы по назначению, и чтобы ни одного тела здесь не оставили. Ясно?

– Сделаю, чего уж... – неохотно ответил Федька.

– Да уж, сделай, пожалуйста! А это корыто сжечь к едрене фене! И вся любовь... Струг, займись этим!

– Считай, что уже сделано! – бодро ответил высокий бригадир со здоровенным фингалом под левым глазом. – Уже горит!..

И только теперь Валет почувствовал запах гари. Пожар, начавшийся где-то на корабельной корме, быстро приближался, захватывая все новые и новые помещения.

– Тем лучше... – пробормотал Валет, выбираясь из зала ресторана, из которого быстро и сноровисто все еще вытаскивали трупы боевиков, принадлежавших к конкурирующей группировке «южных».

## 4

Обычно я забываю свои сны, как только просыпаюсь, но этот остался в памяти. И я, проанализировав его, пришел к выводу, что все это неспроста. Скорее всего этими людьми без лиц были те, кто относился к ближайшему окружению Виктора. Среди них мне и надо было искать возможного виновника его гибели или, по крайней мере, того, кто толкнул его к самоубийству. Мне предстояло сорвать маски с их лиц, узнать, кто есть кто. Только тогда у меня появился бы шанс вычислить главную фигуру виновника. То, что сделать это будет нелегко, я понял еще вчера. Человек, которого я должен был обнаружить, обладал возможностями влиять на других людей. Это был либо чиновник очень высокого ранга, либо теневой заправила каких-то криминальных структур. Но и в том, и в другом случае это должна была быть зловещая фигура.

Проделав легкую гимнастику, рекомендованную йогами, я пошел в ванную и принял контрастный душ.

Мой завтрак состоял из двух-трех ложек питательной пасты, которую я готовил сам. В нее входили с десятков ингредиентов, специально подобранных мною. Это сырые овощи, фрукты, травы. Прокрученные на электромясорубке и сдобренные хорошей порцией подсолнечного масла, эти продукты давали мне столько энергии, что я мог целый день обходиться без новой «подзарядки».

Потом я оделся и, позвонив к себе на работу, предупредил своего зама, чтобы меня сегодня в «Панацее» не ждали.

В спортивном сооружении возле станции метро «Динамо» я бывал неоднократно. Чаще всего для того, чтобы посетить футбольные состязания. При этом надо сказать, я вовсе не являюсь ярым болельщиком какого-нибудь спортивного клуба. Мои посещения стадионов связаны с другой причиной. Я там «подзаряжаюсь». Это может показаться кому-то странным занятием, но только не для меня. На спортивных состязаниях болельщики, сами того не сознавая, генерируют такое количество чистой биоэнергии, что для любого энергетического вампира это просто счастье. К энергетическим вампирам я себя не отношу. Свой растрчиваемый потенциал целителя и биотерапевта я привык восстанавливать другими способами. Но все же, все же... Иногда на прямой контакт с космосом у меня просто не оставалось сил. И вот тогда я шел на стадион. Грех было не воспользоваться дармовой энергетикой.

Прежде чем попасть в небольшой крытый зал, где тренировались борцы, я полюбовался на разминку гимнасток, на их головокружительные «сальто-мортале» в воздухе при прыжках через «коня»...

Поддубняка я отыскал в раздевалке. Он привычно выговаривал своему воспитаннику:

– Еще раз увижу тебя с этими дрянными энергетическими напитками, можешь распрощаться со спортом. Понял? Употреблять будешь только русский квас. А вы кого ищите?

– Наверное, вас, Владимир Алексеевич! – ответил я, улыбаясь как можно приветливее. – Хотел поговорить с вами о Воробьеве...

– Вот оно что. О нем есть что рассказать. Парень был выдающихся способностей. Особое внимание мне порекомендовал на него обратить мой добрый старинный друг Александр Медведь. А по настоящему подружились мы с Воробьевым на окружных сборах, проходивших в подмосковной Коломне на базе Дворца культуры знаменитого тепловозостроительного завода. Я тогда тренировал военных борцов из ЦСКА. А Виктор к тому времени вернулся с воинской службы и устроивался работать в милицию. В те времена нам еще удавалось собирать на окружные сборы талантливых спортсменов...

Поддубняк помолчал, собираясь с мыслями, а потом говорил, уже не переставая:

– На ковер, помнится, вышло тогда более сотни спортсменов. Воробьев просто покори всех. Этот юноша был наделен исключительной, какой-то первобытной силой. И сейчас вижу, как, выпятив грудь, от чего еще рельефнее прорисовываются мускулы, шел он на противника. Молниеносное движение – и противник уже лежит на спине, беспомощно дрыгая ногами. Потом Воробьев вновь выходил на ковер и снова все повторялось. Пять его соперников оказались поверженными, не смогли выстоять против Виктора и минуты...

Почему-то Поддубняк говорил так, будто давал интервью спортивному репортеру. Видимо, по-другому он просто разучился излагать свои мысли.

– ...Правда, однажды, в самом начале нашей работы, Виктор здорово огорчил меня, – продолжал он. – Во всем был виноват, как я понимаю теперь, Алексей Чесноков, которого я тоже тренировал. Он был на тех отборочных в Коломне и по-своему поздравил Воробьева с победой, пригласив его в местный ресторан...

Постепенно голос тренера стал удаляться и наконец превратился в мерное жужжание на заднем плане, больше походившее на треск кинопроекторной аппаратуры, прокручивающей киноплёнку. А на «экране» моего воображения замелькали картины, ожили, задвигались фигурки людей.

За длинным столом гостиничного ресторана сидели новые знакомые Чеснокова, который благодаря своему общительному характеру легко входил в контакт с разными людьми.

– Будущая отечественная знаменитость! – представил он Виктора честной компании. – Прошу всех наполнить бокалы! За восходящую звезду нашего спорта!

Все выпили, кроме Виктора.

– Ты чего не пьешь? – удивился Чесноков. – Бывший пограничник и не пьет! Умопомрачительно! Ты – победитель! Победителю можно! Даже нужно... Я правильно излагаю? Я тут пригласил на наш скромный вечерний ужин знаменитого газетного волка, мастера пера Льва Торчинского. Хочу дать ему интервью в вашем присутствии, господа! Итак, Лев Васильевич, записывайте... Кто бы хоть когда-нибудь вспомнил о воинственном племени абантов, живших очень-очень давно на Эвбее, где это находится территориально я и сам не знаю. Так вот, кто бы про них вспомнил, если бы о них не упомянул великий слепец Гомер в своей прославленной «Илиаде»? Память о племенах, об отдельных личностях для потомков хранят старинные тексты литературных первоисточников. Что стало бы со всей этой наукой, которой покровительствует богиня Клио, если бы не осталось этих текстов?.. Извините, друзья, я несколько отвлекся от темы. Прошу, Лев Васильевич! Увековечь своим пером спортивный подвиг моего друга-соперника Виктора Воробьева, старшины погранвойск запаса. Да, он победил меня сегодня, но завтра... Завтра мотострелки пойдут в атаку! Выпьем за героя дня!

Все время, пока Чесноков произносил этот длинный спич, он смачивал пересохшее горло винно-водочными изделиями, в результате чего получился такой сногшибательный «ерш», что к концу своего выступления, он просто повалился на стол, ткнувшись лицом в блюдо с фаршированной рыбой.

– Тебе уже хватит, гвардеец! – пытался утихомирить Чеснокова Виктор. – Айда в гостиницу! Пора на боковую. А то завтра нам тренер кузькина мать покажет!..

– Не надо! – помахал пальцем в воздухе Чесноков. – Кузькина мать – это мать Кузи Гирина. Он мой друг! Гвардия не сдастся! К черту тренера! К черту режим! Друзья, я остаюсь с вами! Предлагаю создать в вашем замечательном городе клуб фанатов спорта и дать ему – ик! – мое имя...

– ...Мне совсем не нравился этот прапорщик из Таманской дивизии, – прорезался голос Поддубняка. – Но что делать? Он был величиной в спорте и обладал большими связями среди командования МВО. Ничего нельзя было поделаться... За Чеснокова горой стояли «большие погоны»! Но это бы еще полбеда. Виктор в то время познакомился с девушкой, которую звали,

кажется, Вика. Да, точно, Виктория! Первая поклонница спортивного таланта новоиспеченного милиционера...

И я увидел клеверное поле и остовы сельхозмашин на нем, словно олицетворявшие некогда проходившие здесь «сражения за большой урожай», и Виктора, делавшего утреннюю разминку.

Он бегал, прыгал по зеленому лугу, словно дикий конь, почувствовавший свободу после узды. И не знал Воробьев, что за ним, широко распахнув большие голубые глаза, пристально наблюдала совсем еще молодая деваха.

В ее руках был фотоаппарат, небольшая электронная «мыльница». Но она не сразу стала снимать Виктора. Сначала она просто удивилась, увидев, как он запросто играет огромными железными цепями, неизвестно кем и когда брошенными на лугу. И только когда он подошел к старому, разломанному колесному трактору и, поднатужившись, приподнял его за раму, девушка не выдержала, навела объектив аппарата и стала один за другими отщелкивать кадры.

Увлеченный тренировкой, Воробьев никого не замечал вокруг. Закончив разминку, он скинул с себя одежду и бросился к небольшой речке, протекавшей за ближним холмом. С видимым наслаждением он окунулся в прохладные струи реки и поплыл брасом на середину.

Девушка продолжала снимать его до тех пор, пока у нее не кончилась подзарядка. И при этом ее нисколько не смущало, что она снимала совершенно незнакомого мужчину, находившегося в полном неглиже.

– Что это ты тут делаешь? – спросил Виктор, обратив наконец внимание на нахальную девчонку.

– Снимаю этюды, – ответила девушка, подойдя к самой кромке берега.

– А ты не могла бы избрать другое место для своих экзерсисов?

– Я не люблю снимать пустую натуру, – схитрила девушка.

– А голый мужик тебе зачем?! – начал раздражаться Воробьев, поскольку вода была чертовски холодной и у него уже сводило икроножные мышцы.

– Для разнообразия, – с усмешкой ответила девушка.

– Я вот сейчас вылезу, отберу аппарат и!.. – пригрозил Виктор, но его слова не произвели большого впечатления на юную деву.

– Не хорошо! Не культурно бегать за девушкой в голом виде! – смеясь, проговорила она.

– Отвернись! – не выдержал Виктор. – Должен же я выйти на берег!

– Ладно уж, выходи. Я отвернусь. – Смилостивилась девушка, жеманно передернув плечами.

– И как же вас звать-величать, прекрасное дитя лугов и полей? – спросил Воробьев, облачившись наконец в свое трико.

– Вика, – просто ответила она.

Воробьев, услышав ее имя, даже не поверил собственным ушам.

– В смысле Виктория? – переспросил он. – Приятное совпадение. Виктор Воробьев, к вашим услугам...

– Это судьба! – опустила глаза Вика. – Хотите, я вас познакомлю с родителями? Мы здесь снимаем дачу почти каждый год. А вообще-то, я учусь в Москве, в кулинарном техникуме.

– Что? В том самом? – улыбнулся Воробьев, намекая на модного в те годы эстрадного артиста Хазанова, поднаторевшего в роли учащегося кулинарного техникума.

– Нет, не того, а другого! – дурачась, крикнула Вика. – А вы где работаете?

– Это военная тайна, – отшутился Виктор. – А здесь здорово! Вам нравится?

– Не то слово. Просто хочется говорить стихами!

– Ну, так говорите! Кто вам не дает...

– В другой раз, – сказала девушка. – А сейчас мне пора. Может быть, еще встретимся! Она убежала, а он задумчиво смотрел ей вслед.

И опять до моего сознания «достучался» голос Поддубняка:

– ...Встреча с этой девицей, несомненно, сыграла свою негативную роль в судьбе Виктора.

– Почему вы в этом уверены? – переспросил я, стараясь отвлечься от картин, все еще всплывающих в моем разгоряченном воображении.

– Ну как же! Рожает она...

– Где? – уточнил я.

– В родильном доме, что на Мало-Московской улице. Эх, Виктор! Не надо ему было с ней связываться! Я как сердцем чувял...

Из спорткомплекса я сразу отправился в указанный роддом. И только когда добрался до Мало-Московской улицы, вспомнил, что не спросил у тренера фамилии девушки. Да, кажется, он ее и сам не знал. Впрочем, мне вполне достаточно было знать, что ее зовут Виктория. «Вряд ли в этом храме материнства и детства среди рожениц найдется две Виктории», – подумалось мне.

– Как фамилия роженицы? – официальным тоном сразу же спросила дородная медсестра в приемном отделении, когда я попытался справиться о здоровье Вики.

– В девичестве она носила фамилию Иванова, – схитрил я. – А вот какую носит сейчас...

– А кто вы ей будете?

– Близкий знакомый, – ответил я, прикинувшись человеком, далеким от медицины.

– Когда она поступила к нам? – опять задала неудобный для меня вопрос женщина в белом халате.

– Точно не скажу... – пожал я плечами.

– Послушайте, мужчина, вы меня удивляете! Я же не могу знать всех, кто у нас рожает! Как хоть ее звать-то?

– Это я знаю! – сыграл я под дурачка. – Викторией...

– Ну, хорошо, подождите здесь, я попробую уточнить... – сделала мне одолжение медсестра.

Пока я ожидал ее возвращения, у приемного отделения остановился медицинский «рафик» и из него осторожно вышла молодая брюнетка, придерживавшая руками низ большого округлого живота. Помогали ей фельдшер «скорой помощи» и высокий мужчина в спортивной куртке, очевидно, ее муж.

Из приемного покоя тут же показалась дежурная акушерка и повела охающую и стенающую женщину в раздевалку.

«Рафик» вскоре уехал, а муж женщины взволнованно заходил по залу. Он чем-то напомнил мне льва, мечущегося в клетке. Один раз мужчина попытался сунуться в раздевалку, где его жену как раз взвешивали на медицинских весах.

– Сюда нельзя! – строго прикрикнула дежурная акушерка и захлопнула дверь перед самым его носом.

В другой раз будущий папаша сунулся ко мне с глупым вопросом:

– Простите, вы первый раз рожаете?

Я промолчал и только подальше отодвинулся от незнакомца. Впрочем, для измученного ожиданием и неизвестностью мужчины ответа и не требовалось. Ему просто необходимо было выговориться. Обхватив голову руками, он стал излагать свои мысли, надеясь на понимание с моей стороны.

– Это сущий кошмар! Чтобы я согласился на второго ребенка? Никогда в жизни!.. Я за последнюю неделю похудел на целых пять кило. Четырежды вызывал «скорую», когда у жены начинались боли. У меня до сих пор колики в животе от ее стонов!.. Кстати, у вас мальчик или девочка? – неожиданно спросил он у меня и, не дождавшись ответа, торжественно заявил: – Я заказал мальчишку! Вы спросите, почему? Потому что у меня только собственных родных

сестер три штуки. Они, эти сопливые девки, вечно ревновали меня к родителям, устраивали всякие подлянки... Нет уж, хочу парня! Парня давай!

Я терпеливо кивал головой, слушая нервический говорок собеседника, а сам жалел, что не прихватил с собой флакончик с настойкой валерьянки. По-моему, она сейчас была будущему папаше как никогда необходима.

Наконец из «смотровой» вышла акушерка с ворохом женского верхнего и нижнего белья.

– Кто тут муж Грековой? – громко спросила она, как будто сама не знала.

– Я! – вскочил со стула мужчина.

– Можете быть свободным. Только заберите вещи вашей супруги, здесь они ей не понадобятся.

– Как же она без одежды?.. – недоумевал супруг.

– Все, что надо, ей дадут.

– А вы уверены, что будет полный порядок? Я, знаете ли, жду мальчика...

– Ступайте домой, – улыбнулась акушерка. – Мы заказов не принимаем. Кто получится, тому и радуйтесь...

Когда обеспокоенный муж беременной наконец удалился, появилась и дородная медсестра.

– Вы насчет Соболевой? Информацию о ее здоровье можете получить в «справочной». Она находится на первом этаже возле центрального входа...

«Соболева, значит, – подумалось мне. – Будем знакомы!»

В «справочной» мне наотрез отказали в посещении Вики, но посоветовали поговорить с ней со стороны улицы. «Хорошо, что хоть сообщили номер палаты, – подумал я с обидой. – Конечно, можно было бы сразу представиться полными своими медицинскими титулами, сказать, что занимаюсь сбором медицинской информации для своей новой книги, но тогда тут такое начнется!.. Обязательно попросят пройти к главврачу, а тот или та станет упрашивать прочитать им какую-нибудь из моих лекций, дать автографы... Короче говоря, о спокойном разговоре с Викторией тогда придется забыть. Ох, и не люблю я этой нездоровой шумихи вокруг собственного имени!»

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.